

INSPIRIA

УЖАС ПО СРЕДАМ

ТЕРЕЗА ДРИСКОЛЛ

ОТ АВТОРА
МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«Я СЛЕЖУ ЗА ТОБОЙ»

 INSPIRIA

Тереза Дрисколл
Ужас по средам
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Британия»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67961126
Тереза Дрисколл. Ужас по средам : Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-173588-3

Аннотация

От автора международного бестселлера № 1 «Я слежу за тобой».

«Я порежу тебя проволокой для сыра».

Для журналистки Элис Хендерсон это была самая обычная среда. Пока искаженный металлический голос в трубке не произнес ту жуткую фразу. Возможно, просто дурацкий розыгрыш, или очередной псих, ненавидящий журналистов? Но в следующую среду Элис получила еще одно послание...

Пытаясь понять, кто может ее преследовать, она вдруг осознает, что тревожные знаки по средам появились в ее жизни еще раньше. Некто хочет, чтобы она тряслась от ужаса, страдала перед смертью... Хочет ее наказать. Но за что? И почему именно среды?

Полицейские разводят руками. Безумно трудно вычислить таких анонимных преследователей, а уберечь жертву можно только под круглосуточным наблюдением. Остается одно – ждать новой среды. И каждая среда кошмарнее предыдущей...

«Мастерски написанный триллер, который читаешь, затаив дыхание... Я сидел над ним до утра, едва разлепляя глаза, чтобы прочесть хотя бы еще одну главу». – Джон Маррс

«Захватывающая история с непредсказуемым финалом, которая буквально держала меня в тисках. Дрисколл заставила теряться в догадках до самого конца». – Стефани Вробель

«Пугает и завораживает». – Джейн Корри

«Напряженное повествование с кучей неожиданных поворотов». – My Weekly

«Стремительный триллер, читается на одном дыхании». – Sunday Mirror

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	34
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	59
Глава 8	74
Глава 9	79
Глава 10	91
Глава 11	100
Глава 12	108
Глава 13	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Тереза Дрисколл

Ужас по средам

Teresa Driscoll

I Will Make You Pay

Copyright © 2019 by Teresa Driscoll. All rights reserved.

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Екимова Н. В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Мастерски написанный триллер, который читаешь, затаив дыхание... Я сидел над ним до утра, едва

разлепляя глаза, чтобы прочесть хотя бы еще одну главу.

Джон Маррс

Параллельно остросюжетной линии здесь развивается не менее потрясающая совсем не триллерная история. История жертвы во имя огромной любви, принесенной тем, кто даже не понимает, что это такое – жертвовать. История о том, как отчаянное стремление к благой цели превратилось в собственную противоположность.

Дмитрий Субботин, редактор

Глава 1

ЭЛИС

– Я порежу тебя проволокой для сыра.

Вот что он говорит. Этот голос в первый раз звучит у меня в ушах. В моей голове. В моей жизни.

Сегодня среда, три часа пополудни, но я еще не осознаю, насколько важен этот день. До меня еще не дошло, что все началось раньше. Эта среда – на самом деле уже третья.

Поначалу все кажется нереальным. Голос в трубке искажен каким-то устройством и звучит механически. Эти металлические ноты приводят в ужас, и я бросаю трубку, не подумав. Позже пожалею об этом – надо было прислушаться как следует, ведь в самое ближайшее время полиция засыплет меня вопросами: «Он назвал вас по имени? Вы что-нибудь слышали на заднем фоне? Особенности интонации?» – а мне будет неловко, потому что ответов попросту нет.

А ведь предполагается, что наблюдательность – мой конек, этим я зарабатываю на жизнь.

В итоге я сижу в полном одиночестве посреди шумного офиса с кучей народу и не знаю, как себя вести. Я потрясена, но не только тем, что со мной произошло, но и своей типично британской реакцией – смущением и чувством неловкости. Да, именно. Звучит нелепо, но я обескуражена тем, что

меня, оказывается, так легко выбить из равновесия. Между мной и офисом словно возвели невидимую стену. И я буквально физически ощущаю, как пульсирует кровь в пальцах, которые все еще сжимают трубку.

Я смотрю на тыльную сторону ладони, вспоминаю механический голос – «проволокой для сыра» – и, непроизвольно дернувшись, прячу руку между коленями. Перед глазами встает картина: продавцы из продуктовой лавки неподалеку от дома режут огромную сырную голову тонкой проволокой. И тут же вижу, как эта проволока врезается мне в...

Нет. Я выпрямляю спину. Интересно, зачем кому-то было говорить такие кошмарные вещи? Даже думать об этом жутко...

Обернувшись вправо, наталкиваюсь взглядом на Джека. Он входит в офис со стаканчиком кофе и садится за соседний стол. Мигает индикатор, сигнализирующий о новом звонке. Джек поднимает трубку, я с замирающим сердцем прислушиваюсь, но это явно другой абонент. Недоумение на лице Джека быстро сменяется раздражением, он закатывает глаза и подносит трубку к другому уху, чтобы объяснить, что «обычно мы не занимаемся делами о разводе, мадам...».

Мадам, видимо, настаивает, Джек слушает, прочищая горло, прежде чем продолжить.

– Да, я понимаю, вы в отчаянии, но, к сожалению, мы не освещаем бракоразводные процессы. Как правило, нет... Только в исключительных случаях...

Ответ слышен даже мне – Джек вдруг отдергивает трубку от уха, и в комнату льется поток отборной брани. Джек снова прижимает трубку к уху:

– Желаю вам благополучного исхода дела, мадам, но вынужден завершить звонок.

Джек допивает кофе и запускает стаканчик в урну в углу, а я поворачиваю голову налево и вижу Алана. Наш корреспондент криминальной хроники напряженно завис над клавиатурой. Сроки горят, и он яростно колотит по клавишам всеми пальцами – отчет о судебном заседании для онлайн-газеты нужен немедленно. Мне не хочется отвлекать ни его, ни Джека, потому что я еще сама не знаю, как реагировать на злополучный звонок. И как я должна при этом себя чувствовать.

Нам часто звонят люди со странностями. На прошлой неделе позвонила женщина, которая жаловалась, что ее преследует облако...

– Элис, ты в порядке?

– Да. Разумеется.

Но это не так. Проблема в том, что я никогда не сталкивалась с такими звонками. Я вновь поворачиваюсь туда, откуда раздался вопрос, – к Джеку. Все еще думаю о сырной проволоке. Острой как бритва. Она режет медленно и уверенно...

– О боже, Элис. Что-то ты неважно выглядишь. Может, воды принести?

Только теперь я осознаю, насколько тяжело дышу.

– Все нормально. – Чтобы успокоиться, я делаю глубокий вдох через нос и медленный выдох через рот. – Звонок какой-то странный прошел. Я слегка расстроилась.

– В смысле «странный»?

Наконец я набираюсь смелости взглянуть на Джека:

– Псих какой-то. Только что позвонил какой-то псих. Ерунда, ничего особенного.

– Ничего себе «ерунда». И что он сказал, этот псих?

Я молчу – мне не хочется повторять вслух то, что я услышала, не хочется привносить эти слова в свою жизнь, тащить их с собой дальше, в будущее.

– Что он сказал, Элис?

– Да так, ничего.

– Прошу тебя. Расскажи...

– Какой-то человек, скорее всего, мужчина. Он изменил голос с помощью устройства. И сказал: «Я порежу тебя проволокой для сыра».

– Охренеть! – Джек нервно приглаживает волосы и вскакивает. – Черт возьми. Измененный голос? Так. Сейчас я принесу тебе воды, а потом мы вместе пойдем к Теду.

Он бежит к кулеру и возвращается со стаканом, сует мне его в руки, обеспокоенно заглядывая в глаза:

– Не торопись. Пей до дна. Маленькими глотками...

Вода холодная; я пью, а сама думаю о контрасте – ледяная вода во рту и теплые пальцы, сжимающие пластик.

Проволока для сыра...

Джек внимательно следит за мной.

– Я в порядке, Джек. Честно. Перепугалась немного, не без того. Подумаешь, псих какой-то.

– По какой линии он звонил? По твоей или по общей? Если по общей, то это могла быть случайность. Он обращался к тебе по имени?

Вопросы толковые, знать бы еще ответы. Я приглядываюсь к ряду огоньков на телефоне. Какой же из них мигал? Средний? Да.

– Линия триста один. Этот номер я даю для своей колонки, но он числится и как общий. Нет, по имени, кажется, не обращался. – Я задумываюсь. – Нет, точно нет. Скорее всего, этот тип просто решил таким образом привлечь к себе внимание. Зря я так среагировала.

Джек мотает головой.

– Случайная ругань – это одно, такие звонки мы просто игнорируем. О прямых угрозах, тем более если в деле замешан модулятор голоса, докладываем Теду. Таковы правила. Давай, идем.

Взяв стаканчик с водой, я следую за Джеком к редактору – в небольшое пространство, отделенное перегородкой в углу офиса. Джек стучит в открытую дверь.

– Ну что там еще? Надеюсь, что-то важное. Мне только что звонил адвокат, он меня поедом ест...

– Извини, Тед. К Элис только что поступил звонок от какого-то психа. Этот тип угрожал, к тому же он изменил го-

лос. Я решил, что ты должен знать.

Повторяю реплику абонента и вижу, как у Теда вытягивается лицо.

– Ясно. Он точно тебе звонил? Назвал тебя по имени?

– Нет, Тед.

– Хорошо. Уже хорошо. – На лице Теда читается облегчение. – Наверное, какой-нибудь случайный придурок, которого разозлили наши статьи. А ты что ответила, назвала себя?

Я хмурю лоб, вспоминая.

– Нет. Только название газеты.

– И он точно не упоминал твое имя?

– Точно.

Тед кивает.

– Ну и отлично. Так и запишем: «Случайный псих». Я отмечу в журнале, но радуется, что это была не личная угроза. Хотя все равно неприятно. Голос изменил, ты смотри. Чем, кстати? Может, специальной программой для телефона?

– Понятия не имею. – Странно, что я сама об этом не подумала. Вообразила себе какое-то специальное устройство, механизм. Пожалуй, Тед прав – наверняка компьютерная программа. Какое-нибудь приложение.

– Ты как, Элис, в порядке? – спрашивает теперь уже Тед. – Может, отпустить тебя пораньше? Прогуляешься, воздухом подышишь.

– Нет-нет. Не стоит. Я в полном порядке. Просто подумала, что надо об этом рассказать. Вдруг этот тип снова позво-

нит, он ведь может еще кого-нибудь напугать.

– Да, верно. Я сейчас запишу в журнал, информация пройдет по всем отделам. Если он опять позвонит, я сообщу Алану. Хотя нет, лучше сразу сообщу, не дожидаясь звонков.

Алан – офицер по связям с общественностью из местной полиции. Приятель Теда, вместе выпивают. И вообще славный малый.

– Спасибо.

Я возвращаюсь на место. Стенания Теда по поводу статьи на первой полосе помогли отвлечься от звонка, и мне становится легче. Коллеги правы. Это случайность. Наверное, кто-то затаил обиду на газету – возможно, кому-то действительно не понравилась одна из статей. Интересно, которая? Может, судебное дело? Ладно, пора за работу...

– Извини, Джек, что я тебя в это втянула. Надо было просто не обращать внимания.

– Не говори глупостей. И сообщи, если опять позвонят на триста первую линию. Я сам отвечу. А то вдруг этот тип решит повторить свою выходку. Поди, дрожит там сидит, ублюдок.

Я морщусь.

– Ладно-ладно, Элис, прости. Брякнул, не подумав.

– Да нет, ты прав. Я в полном порядке, честно. Знаешь, пожалуй, все-таки пройдусь. Заскочу в кафе напротив, возьму приличного кофе. Воздухом подышу. Тебе кофе захватить?

– Да. Капучино, пожалуйста. Может, составить тебе компанию?

– Не надо, я уже в норме.

Склоняюсь влево и пихаю в бок Алана, жестом спрашивая, не хочет ли он кофе. Алан отрицательно мотает головой – весь в своей истории. Хватаю сумку и, сбежав по лестнице вниз, оказываюсь наконец на улице. Хорошо все-таки прогуляться. Дует легкий ветерок, шумит проезжая часть. Рев мотоцикла. Сигнал светофора на пешеходном переходе. Знакомые звуки и знакомая суета, среди которых я вновь обретаю уверенность.

Однако, приблизившись к кафе, я вижу через стеклянную витрину, как Джованни уже пишет мое имя на моем привычном заказе – маленьком стаканчике кофе. Еще до того, как я переступаю порог. Живот снова сдавливают спазм.

– Джованни, ты подрабатываешь экстрасенсом?

– Нет, что ты. Только что звонил какой-то парень, сказал, что ты зайдешь за заказом. Сказал: «Элис нужен двойной эспрессо. Она уже идет».

– Что за парень?

– Не знаю. Наверное, кто-нибудь из ваших, пошутить решил. Ты милая девушка, Элис. Скажи этим хулиганам, что пора повзрослеть. – И он грозит кому-то пальцем.

– Джованни, я понятия не имею, о чем ты толкуешь. Что за парень? И что за шутки? – Мелькнула мысль, что это мог быть Джек. Но он не стал бы так глупо шутить, тем более

сейчас.

– Этот юморист использовал какую-то штуку, которая меняет голос. Звучит жутко. – Хозяин кафе закрывает стаканчик крышкой и протягивает мне. – Скажи парням из своего офиса, если хотят заказать кофе, то без проблем, но без этих дурацких штук. Что, если трубку возьмет одна из моих девочек? А? Нехорошо выйдет.

Глава 2

ЭЛИС

Спустя несколько часов я уже дома, жду Тома. Похоже, я стала параноиком.

Я заперла двери и проверила все окна. Настроила на стационарном телефоне определитель номера. Отключила навигатор на мобильном, поменяла пароли своих аккаунтов в «Твиттере» и на «Фейсбуке»¹, в «Инстаграме» установила приватный статус. Позвонила в охранную компанию и сделала вызов на завтра, чтобы они «от и до» проверили мою съемную квартиру с двумя спальнями. Заказала «одобренное полицией сигнализационное устройство», его тоже должны установить завтра. Короче, сделала абсолютно все, что посоветовали сделать полицейские, и даже более того – в «Гугле» нашла перцовый баллончик, хотя об этом мне не говорили.

И все равно не чувствую себя в безопасности.

Хотя в полиции ко мне отнеслись доброжелательно, беседа в участке все еще крутится в голове, не давая покоя.

Алан из отдела по связям с общественностью привел жен-

¹ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

щину-детектива, сержанта из уголовного отдела. Она сняла показания у меня и у хозяина кофейни. Пока шла официальная часть, все было хорошо; в глубине души даже мелькнула надежда, что полиция добьется какого-то результата. Сама не знаю, чего именно я ждала. Что они моего шутника из кармана вытащат, что ли? Но вскоре я заметила, как Алан переглядывается с сержантом, словно они знают что-то, чего не могу знать я. И тут до меня дошло: они все это делают просто потому, что таков порядок. И в качестве одолжения моему редактору.

– И что теперь? – спросила я.

Неловкая пауза и выражения их лиц подтвердили мою догадку.

Оказывается, если я сама не укажу на некоего возможного подозреваемого – на человека, которого всерьез расстроила моя статья или который меня домогался, – то ничего страшного не происходит. Отчет помещается в папку. И мы ждем развития событий...

– Главное сейчас – сохранять бдительность и собирать факты, Элис. Если он позвонит опять или случится еще что-то из ряда вон, вы должны все подробно записать и известить нас. Лучший вариант, на который можно надеяться, – что это какой-то случайный псих, который просто догадался насчет кафе.

Больше всего меня удивило, что полицию, похоже, совсем не беспокоит тот факт, что этот мерзавец, возможно, следит

за мной. А вот меня это беспокоит. И даже очень.

Иначе как он узнал, что я отправлюсь в кафе и каким будет мой заказ? По словам полицейских, такие типы часто действуют наугад, по наитию. Не надо быть гением, чтобы догадаться: если по соседству с редакцией газеты есть кафе, то журналисты – его частые гости. Возможно, этот парень позвонил в кафе заранее, чтобы узнать о моих предпочтениях. Или просто решил рискнуть.

– Но ведь он сделал заказ от моего имени. И знал, что я уже иду туда.

Тут они со мной согласились, мол, да, это весьма серьезно и заставляет задуматься. И выдали мне целый список с мерами предосторожности. Вызвать специалистов, поставить сигнализацию, ну и так далее. Даже снабдили рекламными листовками.

Вернувшись домой, я первым делом пересмотрела все сайты, где упоминалось о преследователях, об анонимных звонках с угрозами и тому подобном. Довольно удручающее чтение.

Похоже, эти абоненты уверены в своей безнаказанности, потому и названивают.

Полиция ведь не приставит к вам круглосуточную охрану. Не выдаст новую машину. Не снимет другую квартиру. И пока ситуация не «обострится» (что именно они имеют в виду, страшно даже подумать), полицейские практически ничего не могут сделать.

Одним словом, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Я еще раз окидываю взглядом комнату и встаю – сидеть на месте не вмоготу. Подхожу к окну и задергиваю шторы, хотя до наступления темноты как минимум час. Варю себе кофе, но, вдохнув его аромат, вдруг понимаю, что выпила достаточно кофе за сегодняшний день, и выливаю напиток в раковину.

Сидя за кухонным столом, пристально смотрю на дверь черного хода, вернее, на ее засов, когда в замке входной двери поворачивается ключ.

Чувствую глубокое разочарование и недовольство собой. И когда Том входит в квартиру, я уже горько плачу.

– Ну что ты, успокойся. Я же здесь. Спешил как мог. Как обстоят дела в полиции? Что говорят?

Я позволяю ему обнять меня на мгновение, но тотчас отстраняюсь, чтобы вытереть глаза рукавом. Я снова чувствую себя нелепо. Не хочу, чтобы меня видели такой другие люди. Даже Том.

Ему позвонил Джек, очевидно, пока я была в полиции, и теперь Том хочет услышать подробности.

– Послушай, Том, я не уверена, что у меня есть причина так расстраиваться. Возможно, я слишком остро реагирую.

И добавляю, что это, похоже, какой-то садист, который ждал именно такой реакции, а потому надо взять себя в руки и взбодриться.

Я сажусь на диван. Том присаживается рядом и берет меня за руку. Поначалу он довольно оптимистичен. Говорит, что звонил, вероятно, какой-то тип, ненавидящий нашу газету, а не меня лично, но когда я рассказываю про кафе, он начинает хмуриться.

– Ты говоришь, этот человек звонил в кафе? То есть он знает, как тебя зовут? Он что, следит за тобой?

– Возможно. А может, и нет. Полиция считает, что он мог догадаться. Или же подготовился, чтобы как следует меня напугать.

– Но имя твое он все же знал?

– Да.

Виснет пауза, я вижу, как меняется выражение лица Тома. Он встает с дивана и пару минут задумчиво стоит столбом. После чего начинает расхаживать взад-вперед по комнате.

– То есть этот парень охотится на тебя – конкретно на тебя, а полиция отпускает тебя домой одну, в твоей собственной машине, как ни в чем не бывало? И планирует посмотреть, что будет дальше?

Я говорю ему, что в участке мне предложили вызвать такси, но я отказалась – не хотела бросать свою машину. К тому же общение с полицейскими меня успокоило. Ну, отчасти. Я объясняю Тому, что на данном этапе они все равно ничего не могут сделать. Возможно, это был случайный звонок. И этот тип никогда больше не позвонит.

– Нет-нет. Мне особенно не нравится тот факт, что он

знал про кафе. Вдруг этот псих действительно следит за тобой? И ехал за тобой до дома? Нет, они не должны были отпустить тебя одну, Элис. После таких-то звонков. Да еще с использованием устройства для изменения голоса.

Я решаю не рассказывать, что Джек предлагал отвезти меня домой и побыть со мной до его прихода.

– Разве полиция не обязана обеспечить охрану? Круглосуточное наблюдение и что-нибудь в этом роде? Хотя бы до тех пор, пока не станет ясно, кто его мишень – газета или ты лично.

– Нет. Видимо, нет. По крайней мере, не на основании двух подозрительных звонков. Да и откуда у них такие ресурсы, Том?

– Значит, ты села за руль и просто поехала домой? – Он оглядывается на входную дверь так, словно подозревает, будто кто-то следит за нами с улицы.

– Вообще-то нет. Я специально ездила кругами, сворачивала пару раз не туда. На всякий случай. – Я не говорю ему, сколько миль я намотала, какие петли выписывала по городу и сколько раз внезапно поворачивала обратно, причем с одной-единственной целью – сбить с толку того, кто увязался за мной, если, конечно, он увязался.

– Ладно. Я отменяю ужин. Останемся дома. Закажем еду сюда. – Том снова садится рядом, гладит меня по щеке.

Я заглядываю ему в лицо, и мне становится стыдно, как всегда бывает в те моменты, когда он смотрит на меня таким

ВЗГЛЯДОМ.

Я вспоминаю другое лицо. Из прошлого. А еще почему-то думаю о Джеке. «Хватит, Элис», – командую себе и отворачиваюсь от Тома, но потом, чувствуя новый приступ вины, заставляю себя повернуть голову.

Мне нужна минутка, чтобы восстановить душевное равновесие, поэтому я прошу его сварить кофе. Первый этаж квартиры представляет собой открытое пространство, и я наблюдаю за Томом, глядя ему в спину, когда он ставит чайник и протягивает руку к полке над плитой, чтобы взять банку с кофе. И тут я понимаю: главное, что я испытываю сейчас, наряду с потрясением и страхом, – это острое недовольство собой.

Я из тех, кто больше всего ценит в людях умение сопротивляться обстоятельствам. Часто сталкиваюсь с этим в своей работе. Пишу о таких людях статьи. И что же? В глубине души я надеялась, что и сама принадлежу к этой когорте, а оказалось, что вовсе нет. Мне случалось брать интервью у людей, которые потеряли в жизни все, но нашли в себе силы подняться над прошлым и начать заново. Один парень, например, потерял ногу в Афганистане – наступил на мину. А спустя какое-то время смог участвовать в марафоне. Еще одна женщина закрыла собой троих детей, защитив их от автомобиля пьяного водителя, который выехал на тротуар. Я наблюдаю, как Том наливает кипяток в чашки, и вспоминаю другие подобные истории. Люди проявляют столько муже-

ства.

А я расклеилась при первом же испытании на прочность.

– Нет уж, Том. Лучше пойдем в ресторан, как и планировали. Я должна взять себя в руки. Нельзя поддаваться панике. Именно этого он и добивается.

– Ничего, сходим в следующий раз, – возражает Том, входя в гостиную и ставя чашки на низкий журнальный столик.

– Нет, Том, так нельзя. – Мы заказали ужин в ресторане – любимом ресторане Тома – на сегодняшней вечер, чтобы отпраздновать его успехи на работе. Два месяца он вкалывал как одержимый, задерживался до поздней ночи, и все ради того, чтобы привлечь в фирму крупного корпоративного клиента. Компания в восторге.

Я делаю глоток и чувствую, как мной овладевает новая эмоция – гнев.

– Он хочет посеять хаос в моей голове.

– Я правда не возражаю насчет отмены ресторана, Элис. Давай закажем еду домой. Тайскую, китайскую – какую хочешь.

– Нет, мы пойдем туда. Сейчас я приму душ и переоденусь. И к черту всех этих психов: мы идем в ресторан, а они пусть утрутся.

* * *

Несмотря на бравладу, по дороге в ресторан все же ловлю

себя на том, что то и дело оборачиваюсь посмотреть, не преследует ли нас какая-нибудь машина. А когда въезжаем на парковку, я чувствую головокружение от непрерывных эмоциональных перепадов. Страх сменяется гневом. Беспокойство – яростью. Именно. Меня просто бесит, что какой-то придурок на другом конце провода меньше чем за минуту умудрился довести меня до такого состояния.

Наверное, поэтому, когда мы уже сидим за столиком и ждем заказ, я все-таки решаюсь поговорить с Томом начистоту.

– Знаешь, Том... Мне стыдно. Сколько раз я писала о стойкости и самоотверженности – и только посмотри на меня сейчас. – Я протягиваю вперед руку, чтобы показать, как дрожат пальцы.

– Элис, ты слишком строга к себе. Причем напрасно. Такое услышать... Любой на твоём месте чувствовал бы себя неважно.

Я не отвечаю. И гоню от себя мысли и образы: прилавок продуктового магазина, тонкая проволока медленно, но уверенно скользит сквозь огромную головку сыра, разделяя ее на две части. Ну почему именно эта картина? Что вообще должно твориться у человека в голове, чтобы он смог придумать такое? Я разламываю надвое круглый хлебец и намазываю одну половинку маслом – слишком густо.

– Так, ладно. Давай обсудим детали. Твоя газета никого не зацепила своими последними публикациями? Имел ли до

этого место троллинг в Сети? Поступали жалобы на твои статьи либо на судебные дела? Может, еще что-нибудь? – Том говорит уверенно и спокойно, профессиональным тоном и подается вперед, так что я вижу свое отражение в стеклах очков.

Я отрицательно мотаю головой. Полиция тоже об этом спрашивала, но я ничего такого не вспомнила. Судебными делами в нашей редакции давно занимается другой сотрудник.

– Я в основном готовлю репортажи. Освещаю кампанию по сносу жилого дома «Мейпл-Филд-хаус».

– И что, это никого не задело? Твоя кампания?

– Ну, кое-кому из местных политиков не поздоровилось. Но в целом все получилось неплохо. Все довольны. По сути, это даже не моя кампания, так что зря я присваиваю себе лавры. Все сделали сами жители, а я только писала о них в газете.

Том раздраженно вздыхает и ерзает, словно этот мотив его не устраивает.

Но дело в том, что я уже целый год занимаюсь почти исключительно «Мейпл-Филд-хаусом». Тед доволен: газета хорошо продается. Так что никаких сенсаций я давно не освещала.

«Мейпл-Филд-хаус» – мрачный старый домище в форме подковы. Нижний этаж занимают торговые помещения, а еще три отведены под жилой фонд. В свое время дом считал-

ся почти престижным: торговля процветала, магазины отбоя не знали от покупателей. Однако вкусы публики изменились, а квартиры на верхних этажах не пользуются спросом из-за неудачной планировки. Так что лучшие дни «Мейпл-Филд-хауса» давно позади.

Магазины в основном пустуют, лишь в некоторых из них открыли пункты помощи беднякам и бездомным. Темные и сырые квартиры скорее напоминают подвалы. Здание принадлежит городскому совету, но капитальный ремонт сто лет не проводился, поскольку жилищный комитет никак не мог решить, что делать: то ли все-таки вложиться в реновацию, то ли снести, а жильцов переселить в современную малоэтажную застройку.

Из-за нерешительности чиновников условия жизни обитателей год от года становились все хуже. В стенах завелась сухая гниль, со временем поразившая весь дом. Мусоропроводы то и дело забивались. Жильцам все это надоело, и они решили бороться за снос. Но на них никто не обращал внимания, пока к делу не подключилась я. В газете появилось несколько статей о том, как сырость в квартирах отрицательно сказывается на здоровье детей, особенно страдающих астмой.

И вот наконец многолетний нарыв прорвался: городскому совету надоело краснеть из-за историй, которые публиковала наша газета, «Вестник Южного Девона». Жилищный комитет принял решение о сносе жилья и переселении всех

его нынешних обитателей, в связи с чем в сжатые сроки совместно с жилищной ассоциацией был разработан специальный проект.

Теперь старый дом расселен, всем жильцам предоставили временные квартиры, первая очередь нового жилья для переселенцев вот-вот будет сдана.

Честно говоря, работа была непыльной, как под копирку: следишь за новыми событиями, пишешь, публикуешь – и так день за днем. Скучать не приходилось, я чувствовала, что приношу пользу обществу, да и редактор был доволен.

– Ты же знаешь, я давно не освещаю судебную хронику, – добавляю я. – К тому же, сам понимаешь, люди всегда чем-то недовольны, но лично я в последнее время не писала ни о каких скандалах. Хоть убей, не могу вспомнить.

Я смотрю на заказанную рыбу. Морской окунь с превосходной хрустящей корочкой. Начинаю разделявать его вилкой на кусочки помельче, но вскоре ловлю себя на том, что сижу неподвижно, уставившись на блестящий металл.

«Я порежу тебя проволокой для сыра»...

– Ты что, не голодна?

– Наверное, слишком много съела в обед, – вздыхаю я, откладывая вилку.

Том улыбается:

– Думаю, ты все-таки права. Скорее всего, это был какой-то псих, звонивший наугад, и больше ты о нем не услышишь. – Он режет свой стейк. – Не хочешь пожить у меня,

пока ситуация не устаканится? Или, если хочешь, давай я у тебя поживу.

Том не смотрит на меня, и я не знаю, как реагировать. Мне, конечно, страшно оставаться ночью одной, но мы обычно ночуем друг у друга только по выходным или после таких свиданий, как это. Том занимается коммерческим правом и часто ездит в Лондон по работе. Меня это устраивает. Я не готова к совместной жизни. Пока не готова...

– Может, останешься сегодня у меня, как и планировали, а там посмотрим? – предлагаю я. – Завтра наверняка станет легче. И если звонков больше не будет, то вскоре все забудется. А я почти уверена, что их не будет.

– Ну ладно. Надеюсь, ты не пытаешься казаться храбрее, чем есть на самом деле. – Он с улыбкой слегка наклоняет голову и добавляет: – Или упрямее.

– Кто – я?

Мы оба смеемся, и я понимаю, что наконец-то расслабилась, – впервые с того самого момента, когда услышала жуткий голос в телефонной трубке. Что ж, уже хорошо: пусть маленькая, но победа.

Том улыбается, а мне хочется заглянуть в будущее и представить тот день, когда мы будем смеяться над сегодняшним происшествием, как над забавным анекдотом. «Помнишь того психа, который пытался тебя напугать?..»

«Да, так и случится», – уверенно обещаю себе я, решительно беру вилку, отправляю небольшой кусок рыбы в рот

и наслаждаюсь великолепным вкусом.

Ничего, скоро все снова придет в норму.

Глава 3

ЭЛИС

Коробка прибыла в следующую среду. В десять утра. Ее доставил курьер.

Обычная коробка для выпечки из местной кулинарии, недавно получившей награду, о чем свидетельствовал наклеенный на крышку ярлычок. На прошлой неделе я как раз выпустила материал о хозяйке этого заведения, и она прислала мне по электронной почте письмо, в котором говорилось, что они всей кулинарией прочитали мою статью и очень благодарны мне за внимание.

– Ребята, тащите кофе! – весело предлагаю я и встаю, намереваясь всех угостить пирожными. – Это из той пекарни, которая выиграла приз. Наверняка что-нибудь фирменное.

Я рада, что все вернулось на круги своя. После того дурацкого звонка я два дня была сама не своя: дергалась во время поездки на машине, нервничала на работе, даже к телефону подходить боялась. Так прошли среда и четверг. В пятницу стало легче, за выходные я отдохнула, неприятное впечатление сгладилось, и я зажила прежней жизнью. Только порой ругала себя за чрезмерную впечатлительность.

В субботу, как всегда, сходила в спортзал, в воскресенье днем навестила маму, а вечером мы с Томом отправились в

кино. В понедельник я уже и не вспоминала о событиях минувшей среды, а во вторник как ни в чем не бывало работала над своими статьями, отвечала на телефонные звонки и даже сходила в то самое кафе.

Я думаю об этом, глядя на коробку из кулинарии, и предвкушаю радость коллег. Единственное, что меня беспокоит, – это что там внутри: пирожные или все-таки пирог? Иными словами, понадобится ли мне нож?

На крышке есть окошко, прикрытое бумажным клапаном, наподобие конверта. Я аккуратно отгибаю сначала один уголок, затем другой.

Ко столу подходит Джек, встает рядом и внимательно наблюдает за моими действиями. Тот еще любитель сладостей. И я отгибаю последний уголок.

То, что в коробке вовсе не пирог, становится понятно не сразу. Подходят другие коллеги, и мы уже вчетвером заглядываем внутрь: я, Джек, секретарь редактора Саманта и Найджел, наш бессменный фотограф.

– Цветы? – озадаченно спрашивает Саманта. – Но они же все поломанные! Вы только посмотрите на стебли. Очень странно.

– О нет... – Джек, потеснив остальных, начинает закрывать коробку, словно не хочет, чтобы я увидела содержимое, но я его отталкиваю.

– Дай взглянуть!

– Не надо, Элис. Это очередная дурацкая шутка. Надо зво-

нить в полицию, вдруг на коробке остались отпечатки пальцев.

Я убираю его руку с коробки. И вижу это.

Розовые пионы. Машины любимые цветы.

– В чем дело? – Тед выходит из-за своей перегородки.

– Ох, так это снова тот тип, с проволокой для сыра?! – вырывается у Саманты, и она тут же вскидывает ладонь к губам.

Я смотрю на цветы. Как он узнал про пионы? Лепестки насыщенно-розового оттенка, бутоны крупные, словно специально отобранные для букета, но стебли туго обмотаны проволокой для нарезки сыра – профессиональной, с деревянными ручками, такими пользуются в продуктовых лавках. Большинство стеблей поломано, цветы медленно умирают.

Но хуже всего то, что в коробке лежит еще и открытка...

– Черт возьми. Так... – Тед шумно выпускает воздух. – Оставьте это здесь, ничего не трогайте. Я звоню Алану. Пусть присылает сюда полицейских, да не желторотых, как в прошлый раз, а кого-нибудь поопытнее.

– В самом деле, не надо ничего трогать. Тут могут быть улики, Элис, – снова вмешивается Джек, но я уже не могу остановиться – отпихнув его, хватаю открытку и читаю.

– О боже! Моя мать! – Слова из открытки повергают в такой шок, что начинает колотиться сердце, меня бросает то в жар, то в холод. – Я должна проверить, все ли с ней в порядке. – Я хватаю телефон и трясущимися руками набираю

номер.

– Элис, в чем дело? Что там такое написано?

– Тсс... – Я прикладываю палец к губам, а сама, дожидаясь, пока на том конце снимут трубку, беру открытку и дочитываю до конца.

И вот тут, объятая ужасом, я впервые осознаю, что день недели имеет значение.

Среда.

И еще понимаю, что прошлая среда и тот телефонный звонок вовсе не были началом.

Глава 4

ОН – ПРЕЖДЕ

Он сидит на краю кровати и смотрит на ракеты и звезды, которыми усеяно одеяло. Ему пять лет, и бабушка сетует, что он растет слишком быстро.

«Мой маленький любитель космоса».

Голос бабушки звучит в его голове, и это странно, ведь она сейчас не рядом с ним, а на кухне. У него такое чувство, как будто ему двинули кулаком под дых: он вспоминает, как они с бабушкой выбирали это одеяло в магазине уцененных товаров. Одеяло лежало в большом ярко-красном пластиковом ящике, похожем на урну, но чуть красивее. На стенке ящика была надпись «Распродажа». Он помнит, как смог прочитать это слово сам, бабушка лишь чуть-чуть помогла. Здорово же он тогда собой гордился.

«Ты у меня очень умный мальчик...»

Внутри снова творится что-то непонятное, какой-то взрыв чувств. Так бывает, когда стартует ракета: все шумит и грохочет. Очень сумбурно и ярко. Он сам не знает, злится он сейчас или нет. Сходит с ума. Грустит. Страдает?

«Мой маленький храбрый солдат».

Но так бабушка называет его только по средам. Он вскидывает голову: из кухни доносится звяканье посуды. Сегодня

как раз среда...

По средам бабуля дает ему на завтрак шоколадные хлопья. А после чая – мороженое. В эту минуту она накрывает на стол: рыбные палочки, жареная картошка, фасоль – его самые любимые блюда.

«И мороженое с шоколадным соусом для моего маленького храброго солдата».

Только он ведь не храбрый.

В этом вся проблема.

В школе они учатся читать по группам, и он в самой лучшей – Красной группе. Лучшей в классе. У него есть книжка про девочку, которая боялась темноты и однажды повстречала медведя, который тоже боялся темноты.

Сегодня утром он хотел признаться учительнице, что очень боится темноты. Только об этом никому нельзя говорить, ведь это секрет.

Среды – вот *их* секрет. Его и...

– Как ты, малыш, все в порядке?

Он понимает, что ему хочется что-нибудь пнуть и что он злой мальчик. Но он любит бабулю. Больше всего на свете ему хочется крепко-накрепко обнять ее обеими руками и никогда не отпускать.

Но по средам он совершенно не понимает взрослых. И ему хочется кричать, драться и кусать всех подряд.

Он чувствует, как слезы наворачиваются на глаза, и вспоминает, как в прошлую среду Патрик случайно увидел его

плачущим среди стеллажей в школьной библиотеке. Пришлось столкнуть Патрика с табуретки.

Скоро ему исполнится шесть. Интересно, станет ли он тогда храбрее?

Глава 5

МЭТЮ

Мэтью Хилл беспомощно смотрит на дочь, которая лежит на полу посреди супермаркета между прилавков с печеньем. Он уже готов сдаться. Постыдный шепот: «Только маме не говори», – готов сорваться с его губ. Но есть проблема: у Амели замечательные легкие, и ее крики собрали зрителей. На них уже смотрят, и кое-кто из покупателей явно хочет увидеть, что нерадивый отец предпримет дальше.

Понимая, что количество способов разрешения ситуации резко сократилось, Мэтью натягивает на лицо маску спокойствия. «И кто бы мог подумать!», – мелькает мысль. Всего каких-то полгода назад это был не ребенок, а ангелочек в цветастых платьишках.

– Ненавижу тебя! – Амели снова бьет ножками по полу, ручки сжимаются в крохотные кулачки, костяшки пальцев белеют от гнева. При этом она ерзает спиной по керамической плитке, словно рассерженный тюлень.

Мэтью снова оглядывается по сторонам: увы, подкуп исключен – слишком много свидетелей.

– Папа уже уходит, Амели. А ты как, идешь домой или остаешься здесь и будешь жить в супермаркете?

– Я хочу печеньки «Пиппи покет»!

Мэтью окидывает взглядом прилавки с печеньем и замечает двух женщин средних лет. Те аж глаза вытаращили, до того им хочется узнать, кто выиграет в этом раунде – Амели или ее родитель.

– Печенье «Пиппи покет» покупают хорошим девочкам. А ты уже в пятый раз за сегодняшний день валяешься на полу, Амели. Поэтому никакого печенья не будет. Сейчас мы отправимся на кассу, оплатим наши покупки и поедем домой.

И тут раздается такой истошный визг, что Мэтью инстинктивно вскидывает обе руки и оглядывается на столпившихся зевак, словно говоря: «Я тут ни при чем. Я ее не трогал».

– Ох уж эти ужасные двухлетки, – доносится из-за спины старческий голос.

Его обладательница делает шаг вперед и останавливается рядом с Мэтью, а тот, слегка повернув голову, замечает белоснежно-седые волосы и теплое пальто, несмотря на теплую погоду.

Мэтью пытается выдавить улыбку – надо же как-то показать, что он справляется.

Ну да, если бы. Не будь тут свидетелей, он бы точно предпочел взятку. Купил бы дочери эти чертовы печеньюшки, лишь бы она поднялась с пола и пошла с ним на кассу. И тут он прямо наяву слышит голос Салли, своей жены: «Не поддавайся на ее истерики, Мэтт. Если ты продолжишь в том же

духе, то мы обречены».

Слово-то какое выбрала – обречены. Хилл смотрит на девочку на полу и в который раз задается вопросом: куда подевалось то чудное дитя, которое два года назад он впервые взял на руки? Та милая девчушка с золотистыми кудряшками, которая сидела на высоком детском стульчике и улыбалась всем подряд? Пока очередные покупатели, заглядывая в кондитерский отдел, встревоженно крутят головами, пытаюсь обнаружить источник визга, Мэтью размышляет о том, что слово «обречен» как нельзя лучше описывает его жизнь в настоящий момент.

– Может, вы пойдете на кассу и рассчитаетесь, а я пока пригляжу за малышкой? Не сомневаюсь, она выбросит белый флаг. – Не по погоде одетая бабуля подходит к молодому отцу вплотную и шепотом делится своим планом.

Хилл смотрит на нее оценивающе: на похитительницу детей вроде не похожа. Но привычки профессионального полицейского, помноженные на опыт частного детектива, заставляют его подозревать в людях самое плохое.

– Все нормально, спасибо.

– Ну, как скажете. Хотя сразу видно, что девочка заночевать тут собралась. – Женщина наблюдает за Амели, которая с остервенением лупит ногами по полу. – Моя тоже такая была. Упрямая, в смысле. Зато она у вас умница, верно?

Мэтью прищуривается. Наконец его озаряет спасительная идея. За кассой расположено окно во всю стену, в котором

отражается кондитерский отдел. С помощью отражения он вполне сможет проследить и за своей дочерью, и за старушкой-похитительницей.

– Большое спасибо, – шепчет он решительно. – Вы меня очень выручили.

– Ну вот, Амели. Папа уходит, а ты оставайся жить в супермаркете, раз тебе здесь так нравится. Только учти, ночью тут холодно и к тому же выключают свет.

Хилл разворачивается и уверенно катит тележку к кассе, а сам не отрываясь следит за отражением в окне.

Визг прекращается почти сразу, но с пола Амели не встанет. Некоторое время она лежит, приподняв голову и наблюдая за отцом. Старушка рядом, бдит. Еще минута, и Амели вскакивает. Вид у нее озадаченный и слегка взволнованный. Пока ее отец, насвистывая себе под нос, выкладывает покупки на движущуюся ленту, Амели медленно топает к нему. Мэтью снова бросает взгляд в окно, как в зеркало, мельком привычно удивляется тому, насколько он выше всех остальных покупателей, но не оборачивается.

Совсем скоро он чувствует, как дочка всем своим маленьким тельцем прижимается к его левой ноге, всхлипывает, как вздрагивают ее плечики, поникшие под грузом поражения. Он гладит малышку по волосам, но от дела не отрывается.

– Хочешь помочь папе разгрузиться? – Главное, что он усвоил, – нельзя допускать сейчас визуального контакта: она

и так унижена, не надо усугублять ситуацию, иначе может случиться новая истерика. Хилл подает Амели коробку с хлопьями, та кладет ее на ленту. Следом тем же маршрутом отправляется буханка хлеба в бумажном пакете.

Так они продолжают до тех пор, пока малышка не перестает всхлипывать, а плечи – вздрагивать.

– Прости, папочка.

И тут его сердце тает. Он опять гладит дочь по волосам в знак того, что мир восстановлен, а сам думает: «Неужели так будет всегда? Любовь. Война. Снова любовь. Снова война». Ему хочется вернуться в кондитерский отдел и скупить все «Пиппи покет», какие только найдутся на полках, чтобы показать Амели, как глубоко он любит ее и искренне прощает. Но он знает, что нельзя поддаваться слабости, а потому лишь еще раз гладит малышку по головке и продолжает передавать ей предметы полегче.

Мэтью поднимает руку и в знак благодарности машет загадочной старушке, та улыбается в ответ. Хилл вспоминает, как его мама, когда он с семьей навещал ее в последний раз, говорила ему, чтобы он не торопил время, как бы ни было тяжело. Ведь годы младенчества быстро пролетят, и еще настанет день, когда ему захочется вернуться в этот период, несмотря на истерики и прочие сложности. И он пожалеет, что эти дни безвозвратно ушли.

Так-то оно так, но, пока ты находишься в этом самом моменте, когда твой ребенок, это загадочное и непредсказуе-

мое существо двух лет от роду, категорически отказывается ложиться спать, надевать пальто и садиться в детское автокресло, зато норовит упасть в магазине на пол и закатить истерику, то волей-неволей мечтаешь о том дне, когда все это закончится и наступят времена попроще. Хотя бы чуть-чуть. Потому что это изматывает.

Отец с дочерью заканчивают выкладывать продукты на ленту, и тут звонит мобильный. Номер переадресован автоматически из офиса Хилла в Эксетере. Черт. Сегодня он решил поехать на работу попозже, чтобы Салли смогла сходить в парикмахерскую, но вообще-то не хотелось бы, чтобы клиенты считали, будто он работает на полставки. А еще он скрывает тот факт, что у него до сих пор нет ни помощника, ни секретарши.

– Добрый день. Мэтью Хилл, частный детектив, слушает.

Кассирша выразительно поднимает брови, а он в ответ делает большие глаза.

– Здравствуйте, мистер Хилл. Да, все верно... Гм. Меня зовут Том Стеллар. – Судя по голосу, абоненту лет тридцать. Нервничает, но это нормально. Большинству клиентов сложно решиться на этот шаг. – У меня возникла одна проблема, не могли бы вы помочь? Точнее, проблема не у меня, а у моей девушки... – повисает долгая пауза.

– Продолжайте.

– Ее преследуют. Мы считаем, что это преследователь. Сначала были звонки с угрозами. Честно говоря, я думал,

этим все и закончится, но недавно ей в офис принесли посылку. Я очень волнуюсь. Полиция, похоже, мало чем может помочь, вот я и решил... – с каждым словом его речь ускоряется, он уже почти тараторит.

– Хорошо, мистер Стеллар. Я вас услышал, но сейчас я занят и не могу обсудить подробности. Я записал ваш номер и перезвоню в ближайшее время. Скажем, в течение часа. Вас устроит такой вариант?

– Вот как, – в голосе звучит разочарование. – Просто я очень переживаю. Это действительно срочно.

– Я обещаю, что перезвоню в самое ближайшее время. Вы мне все расскажете, и мы решим, как быть дальше.

– Ладно. Договорились. Она сейчас в полиции и сильно расстроена, а я не слишком верю полиции, если честно. В прошлый раз ее просто отфутболили. Послали домой, и все, причем одну, можете себе представить?

Мэтью вздыхает, проводя ладонью по кудряшкам Амели. Он не любит, когда при нем критикуют полицию. И хотя сам он давно там не работает, но по-прежнему лоялен к бывшим коллегам. Большинство из них выкладываются по максимуму, а работа у них не сахар, и Хиллу об этом отлично известно. Но суть в том, что преследователь для полицейских – воплощение ночного кошмара. Его трудно вычислить, еще труднее понять, как с ним быть, пока он что-нибудь не натворит. При этом вечная нехватка людей и ресурсов не позволяет полицейским поступать так, как они считают нужным

и правильным в подобных случаях.

Тут Мэтью вспоминает, что как частный детектив еще ни разу не сталкивался с подобными делами, а потому не знает, стоит ли соглашаться. Может, лучше отказать? В глубине души он сомневается, что способен помочь. Что он сможет сделать в одиночку?

– Я скоро перезвоню вам, мистер Стеллар. Постарайтесь выяснить у вашей девушки, как продвигается дело, чтобы нам было что обсудить.

Глава 6

ЭЛИС

Сидя в кабинете редактора, я бросаю взгляд на стеклянную перегородку и вижу за ней обращенные к нам лица коллег. Застигнутые врасплох, они смущенно отворачиваются.

– Так вы считаете, что это уже четвертый случай? – Женщина-полицейский смотрит на пакет с вещдоками, который лежит на столе между нами. Переворачивает его, чтобы прочесть подпись на открытке из коробки с увядающими цветами. – И все это происходит по средам?

Я киваю. Молча. Потому что боюсь расплакаться, едва раскрою рот, а мне совсем не хочется, чтобы коллеги и сотрудница полиции видели мои слезы. Я признательна Теду за то, что он уступил на время свой кабинет, но жаль, что в нем нет жалюзи, – это обеспечило бы хоть какую-то приватность.

Хорошо, что с мамой все в порядке. Я поговорила с руководством дома престарелых и объяснила ситуацию. С ней неотлучно находится сиделка, а система безопасности у них на высшем уровне – по крайней мере, меня в этом заверили. Всех посетителей записывают в журнал, и к маме не пропустят никого без моего согласия.

Я снова смотрю на сидящую напротив сотрудницу полиции. Эта милая женщина сразу поняла, почему я так встре-

вожилась из-за мамы. Жаль, что я не запомнила ее имя. Мне стыдно. Она имеет звание детектива-инспектора – похоже, в полиции на этот раз отнеслись к моему делу серьезнее. А может, Тед надавил на своего приятеля Алана. Судя по вопросам, которые она задала мне с самого начала, детектив-инспектор знает свою работу. Во всяком случае, она куда более проницательна, чем те двое, с которыми я общалась неделю назад. У нее доброжелательное, открытое лицо, но она беременна, причем срок, кажется, довольно большой, и, к моему стыду, это меня беспокоит. В обычных условиях такую феминистку, как я, еще поискать надо, но сейчас я чувствую себя настоящей предательницей – каждой своей мыслью я предаю своих сестер.

Не могу объяснить, что именно чувствую, но мне страшно не хочется втягивать эту милую женщину и ее будущего малыша в тот ужас, который творится вокруг меня. Не хочу, чтобы она занималась поиском человека, который угрожал мне сырной проволокой, прислал изломанные цветы, намекая на мою мать, и даже, как я теперь полагаю, побывал в моем доме. Взгляд снова невольно устремляется на огромный живот. Помню, когда моя сестра Лиэнн была беременна, больше всего на свете мне хотелось ее защитить. Я думаю о происходящем чуде – о зарождении новой жизни, и уже совсем скоро на свет появится крохотный человечек. Невинное дитя. А тут этот жуткий жестокий тип...

– Кажется, он проник в мой дом. – С этими словами я

протягиваю руку к чашке с водой. Вообще-то я не собиралась этого говорить, потому что сама еще не уверена. Нужно достать телефон, открыть ежедневник и сверить даты.

– Вот как? Не спешите, Элис, подумайте. Давайте продвигаться вперед помаленьку. Почему вы считаете, что он проник в ваш дом?

Я достаю телефон и копаюсь в нем, после чего сопоставляю дату поездки в Лондон с датами сообщений, которые писала хозяину квартиры. Точно. Черт возьми... Все сходится.

– В общем, когда он позвонил сюда на прошлой неделе и разговаривал измененным голосом, я думала, что это в первый раз. И надеялась, что в последний.

– Все верно. Я читала показания, которые мои коллеги записали с ваших слов. Там нет никаких упоминаний о каких-либо еще инцидентах.

– Просто я тогда не поняла, что между ними есть связь. А тут вдруг эта коробка с цветами и открытка, где говорится про мою маму, – я снова смотрю на пакет с открыткой, которая лежит напротив женщины-детектива.

Она берет ее и читает вслух:

– «Любимые цветы твоей матери? Как тот, на твоей машине? Кстати, ты не хватилась лампочки, Элис?»

– Офицер, простите, я не запомнила вашего имени... Ужасно невежливо с моей стороны, но я сейчас в таком раздоре, плохо соображаю... В общем, вы понимаете, – я заливаюсь краской. Вроде бы она говорила «Менди»?

– Детектив Мелани Сандерс.

– Точно. Спасибо.

– Вы можете звать меня просто Мелани.

– Хорошо. Спасибо. – После короткой паузы я добавляю: – Мелани.

Я не упоминаю об этом вслух, но мне не хочется звать ее по имени. Есть в этом что-то глубоко неправильное: как будто мы с ней закадычные подруги и я точно знаю, что ей можно доверять.

– Объясните, пожалуйста, что написано на этой открытке, Элис. «Цветок на машине». Это о чем?

Я коротко выдыхаю, вновь представляя ту картину. Пион на ветровом стекле. И почему я сразу не заподозрила?

– Когда я прочитала послание на открытке – касательно цветка, то сразу поняла, что это был он. В смысле тогда, в первый раз. Около месяца назад. Это тоже была среда. Я только что проверила дату в телефоне. В тот день я находилась в Лондоне, в головном офисе жилищной ассоциации, работая над той историей. Снос комплекса «Мейпл-Филд-хаус» и возведение на его месте новой застройки.

– Да, я об этом читала. Хороший итог.

– Я написала серию статей об этом доме и освещала кампанию по его сносу, которую организовали сами жильцы, причем на всех этапах. В общем, я поехала в Лондон, чтобы взять интервью о роли жилищных ассоциаций в решении проблемы социального жилья, когда местные советы не име-

ют достаточно средств, чтобы в него вложиться. Из Плимута я добиралась поездом, а свою машину оставила на парковке у вокзала. Когда вернулась на парковку – было уже довольно поздно, потому что я дописывала статью прямо на Паддингтонском вокзале, оттуда же и отправляла, – на лобовом стекле лежал цветок и визитная карточка. Не буду вас обманывать – уже тогда я здорово испугалась. Дело в том, что пион – любимый цветок моей мамы. – Я чувствую, как у меня дрожит голос, и делаю вид, будто прокашливаюсь, в надежде, что собеседница не заметит моего состояния. – Но карточка оказалась от флориста. Что-то вроде рекламной листовки, такие часто оставляют на машинах. Я подумала, что это презент, умный маркетинговый ход. А выбор цветка – случайность.

– А что было написано в визитке? Вы ее сохранили?

– Нет. К сожалению, выбросила. Моя машина стояла крайней в ряду на парковке. И я почему-то решила, что на все автомобили положили такой подарок. Пион я забрала домой и поставила в воду, а визитку выбросила.

– Пожалуйста, Элис, вспомните, что там было написано. Было ли там имя? Закройте глаза, иногда это помогает сосредоточиться. Представьте, что вы сидите в машине и держите в руках эту карточку.

Мне становится неловко, но инспектор Сандерс смотрит на меня так, словно ждет немедленных действий. Я закрываю глаза и – о чудо – сразу кое-что вспоминаю. Визитка имела

розовую окантовку. Резную, похожую на кружево. Но сама визитка была матовая. Из тонкого картона, явно сделанная вручную, не очень профессионально.

– Это была дешевая визитка из тех, которые люди заказывают онлайн или сами распечатывают на принтере. У нее была такая розовая кайма, а имя... – Я зажмуриваюсь еще крепче, и постепенно передо мной словно проступает надпись. – Черт возьми...

– В чем дело?

Я открываю глаза, потрясенная тем, что вижу это так отчетливо.

– «Мудрость среды. Пусть за тебя говорят цветы». Вот что там было сказано. Похоже на хештег в «Твиттере»: #МудростьСреды². Я тогда решила, что это название цветочного магазина. Но, похоже, я ошиблась, верно? О господи... это и было начало. – Я слышу, как меняется мой голос, чувствую, как по телу проходит дрожь.

Инспектор Сандерс подается вперед:

– Очень хорошо. Постарайтесь не волноваться, Элис. С вашей мамой все в порядке, мы тоже связались с домом престарелых. Но нам надо понять, почему этот человек вообще ее упоминает. Мы вам поможем. Это ужасная история. Неудивительно, что вы расстроены. Но сейчас очень важно

² #WednesdayWisdom (англ.); под этим тегом в среду (пик рабочей недели, когда, как традиционно считается, напряжение начинает понемногу спадать) публикуются различные вдохновляющие высказывания и советы по организации жизни.

вспомнить все, фрагмент за фрагментом, ведь из этих фрагментов складывается целостная картина. Чем больше фактов, которые мы сможем проверить, тем выше шанс уцепиться за какую-то ниточку. Эта визитка, к примеру. Или выбор цветов – почему именно пион, и в тот раз, и сегодня? Почему это так важно? И кто еще мог знать, что это любимые цветы вашей мамы?

Я отвожу взгляд в сторону и морщу лоб, глядя на три солидные пачки нашей газеты на соседнем столике.

– Да это не секрет. В нашей семье все об этом знают. – Я вдруг понимаю, что мне сложно говорить о маме в таком контексте, – я словно нарочно втягиваю ее в это дело. Я вспоминаю кислородный баллон у ее кровати, тяжелое дыхание...

– Кажется, я многим об этом рассказывала. – Слишком многим, как я теперь понимаю. – Господи, мне кажется, я даже в газетной колонке об этом писала. Дело в том, что мы по очереди ведем личную колонку.

– Понятно. Значит, мне нужно будет на нее взглянуть. Вы можете сделать для меня подборку ваших статей в личной колонке за последние полгода?

– Разумеется.

Инспектор Сандерс – я даже мысленно не могу заставить себя называть ее Мелани – расспрашивает о лампочке, пытаюсь понять, почему я думаю, что этот тип побывал в моем доме. Я знаю, это трудно объяснить. И, кстати, об этом я тоже писала в чертовой личной колонке.

Но я не могу говорить об этом без подготовки, мне надо сначала разобраться во всем самой, и я прошу разрешения выпить сладкого чая, сделав вид, будто неважно себя чувствую.

* * *

Пока мы ждем, когда из кафе принесут напитки, я прихожу к мысли, что вся эта история, скорее всего, связана с делом об изнасилованиях. И тот первый случай, и лампочка. И тут мне действительно становится дурно.

Вообще-то судебное разбирательство освещал Адам, наш криминальный корреспондент, но мы часто обсуждали подробности в редакции, и меня это до смерти напугало. Насильник объявился прямо по соседству с нашим участком, месяцев шесть-восемь тому назад, и действовал по одной схеме. Четыре случая в Южном Девоне, и все как под копирку. Он выбирал в качестве жертвы какую-нибудь одинокую женщину и начинал следить за ней, чтобы выяснить, во сколько она уходит на работу, во сколько возвращается, ну и так далее. После чего заранее пробирался в дом и поджидал жертву. Причем дело было зимой, когда рано темнело. Забравшись в дом, он выкручивал ближайшую лампочку – в прихожей или в гостиной. Жертва входила в дом, щелкала выключателем – темнота. Решив, что лампочка просто перегорела, женщина, ничего не подозревая, делала шаг во тьму.

Тут-то он на нее и набрасывался. Насильник в маске.

Его, разумеется, отловили и посадили. Но меня так взбодорило это жуткое дело, что некоторое время я даже носила с собой фонарик – иногда в сумке, а иногда прямо в кармане. Я пребывала в страхе довольно долго: каждый раз, возвращаясь домой в сумерках, я чувствовала, как колотится сердце. И однажды написала об этом в своей колонке.

Теперь-то я понимаю, какого дурака сваяла. Зачем надо было выставлять напоказ свои страхи? Писать в местной газете о том, чего я боюсь? А ведь газета выходит не только на бумаге, но и онлайн. За каким, спрашивается, хреном мне это понадобилось? Почему мы, люди пера, спешим вывернуть душу наизнанку перед публикой?

И я снова задумываюсь о себе и о своей излюбленной теме – одержимость понятиями трусости и отважности. О чем бы я ни завела разговор, рано или поздно все сводится именно к этому. И моя колонка на самом деле об одном – я постоянно ищу ответ на вопрос: если я чего-то боюсь, означает ли это, что я трусиха, или это чисто ситуативная, нормальная для человека реакция? Помню, однажды я даже цитировала Нельсона Манделу. Тоже, наверное, претенциозно с моей стороны. «Смелость – это не отсутствие страха...» Я много раз писала о том, что прежние поколения имели шанс проявить свой характер на войне. Но большинство из нас живут, не имея возможности испытать себя. Какие мы на самом деле? Смелые? Или трусливые? Как мы себя проявим, когда

наступит решающий момент?

Приносят чай. Я делаю пару глотков, после чего рассказываю инспектору Сандерс и про насильника, и про свою колонку, и про то, как три недели назад, тоже в среду, я вернулась домой и обнаружила, что в прихожей перегорела лампочка. Причем расположена она очень неудобно, на потолке в тамбуре высотой в два этажа – очень странная конструкция. Так что заменить лампочку самостоятельно не было никакой возможности. Проводка там вполне современная, светильник тоже – плафон из дымчатого стекла. Но поскольку я не могла забраться на такую высоту и выяснить, в чем дело, то просто решила, что лампочка перегорела.

– Я сразу вспомнила дело об изнасилованиях и очень испугалась. Нет, я, конечно, знала, что насильник в тюрьме, но такое ужасное совпадение выбило из колеи. Я немедленно написала хозяину, чтобы он организовал замену лампочки, – объясняю я детективу. – Вот так я и поняла, что это тоже случилось в среду. Просто проверила телефон.

– Хозяин отозвался не сразу, я рассердилась и отправила ему еще пару сообщений. Но теперь, после этой открытки... – Я киваю на пакет на столе. «Ты не хватилась лампочки, Элис?» – Теперь мне кажется, что этот человек, кем бы он ни был, изучил мою колонку, пробрался в дом и специально выкрутил лампочку, чтобы меня напугать. Заставить дрожать от страха.

Детектив Сандерс меняется в лице и поворачивается к

другому полицейскому, мужчине, который ее сопровождает. У него тоже озадаченное выражение лица.

– Ясно. Значит, нам надо отправиться к вам и взглянуть на лампочку. Убедиться, что она на месте и просто перегорела. Или что ее нет. Вы говорите, это очень высоко?

– Да, верно. Без специальной лестницы не достать.

– Я пришлю наших экспертов-криминалистов. Пусть займутся лампочкой, квартирой, коробкой, открыткой и всем остальным. И кстати... – Она снова бросает взгляд на напарника. – Пока мы занимаемся отпечатками пальцев и прочим, не могли бы вы ненадолго переехать куда-нибудь? Вам надо будет заменить все замки, а нам – провести все необходимые исследования. Если окажется, что лампочка исчезла, то нам необходимо выяснить, у кого, кроме вас, были на тот момент ключи.

От страха живот скручивает спазм. На прошлой неделе я вызывала специалистов из частной охранной фирмы, они проверили сигнализацию и замки. Мне и в голову не пришло, что кто-то уже побывал в доме раньше. И тут мне становится понятно, что, рассказывая инспектору эту историю, в глубине души я надеялась, что она возразит. Скажет: «Нет. Очень маловероятно, чтобы он проник в ваш дом». Я все время спрашивала себя, не слишком ли я драматизирую ситуацию, не граничит ли мой страх с паранойей. Но теперь, когда детектив Сандерс подтверждает, что мне есть чего опасаться, я чувствую себя еще хуже.

– Хм. Ключи? Они есть у хозяина, разумеется. Еще один комплект я отдала соседям, на всякий случай. И у моего друга Тома тоже есть ключи.

– Значит, мы должны поговорить с вашим другом и с соседями. А также с хозяином – не мог ли кто-нибудь стащить у него ваш ключ. – Она снова бросает взгляд на сержанта, тот делает пометку у себя в блокноте.

– Да, конечно. Разумеется. Том будет рад помочь...

– А теперь, Элис, – лицо женщины-полицейского становится особенно серьезным, – давайте поговорим о проволоке для сыра.

Я чувствую, как рот наполняется вязкой слюной. Судорожно сглатываю и закашливаюсь.

– Понимаю, вам это неприятно. И даже очень. Но это весьма нетипично, согласитесь. Вот почему мне нужно знать, что за этим стоит: какой-то человек, ситуация, случай – что-нибудь, что навело его на этот образ? Может, кто-то из ваших знакомых работает в продуктовой лавке, в сырном отделе? В общем, что угодно.

Я мотаю головой, не хочется даже думать об этом. Тонкая проволока, острая как бритва, способная резать не только сыр...

«Я порежу тебя проволокой для сыра».

– Извините, можно еще воды? Там есть кулер... – Я поворачиваюсь к прозрачной перегородке, а детектив-сержант, проследив за моим взглядом, отправляется в редакцию за во-

дой.

Инспектор Сандерс продолжает:

– И все же подумайте, Элис. Может, вам доводилось писать о сыроварной компании? Или о магазине деликатесов? Ничего такого не припоминаете?

И снова я качаю головой.

– А дома у вас такая проволока есть?

Я обнаруживаю, что давно уже сижу, потирая руки, словно намыливая. Господи, ну сколько можно об этом говорить? Нет, я, конечно, понимаю, это ее работа, но...

– Нет-нет, что вы, я пользуюсь исключительно ножом. Я, конечно, видела, как режут сыр проволокой, – в продуктовой лавке и в супермаркете, куда я периодически заглядываю. Но никогда не видела, чтобы кто-нибудь пользовался такой штукой в домашних условиях.

– Понятно. Нам нужны названия и адреса продуктовых лавок и супермаркетов, где вы бываете, Элис. Так, на всякий случай. Чтобы уж наверняка.

– Хорошо.

Сержант возвращается с пластиковым стаканчиком, и я тут же осушаю его до дна.

– Спасибо. Я благодарна вам за все, что вы делаете. Правда. Просто мне так... – Я стараюсь сохранять спокойствие, но понимаю, что это выше моих сил. Пытаюсь плотно сжать губы, но безуспешно.

– Все хорошо, Элис.

Инспектор Сандерс очень добра, но от ее доброты мне становится только хуже.

– Простите. – Поставив стакан на стол, я начинаю рыться в карманах в поисках носового платка. Потом смотрю через прозрачную перегородку в офис и замечаю, как двое сотрудников поспешно отворачиваются, – значит, наблюдали за нами. Я не успеваю понять, кто это был.

– Не стоит извиняться. Все это тяжело, я знаю. Но мы вам поможем. Мы все проверим и непременно найдем этого типа, обещаю. И этот кошмар закончится.

Инспектор смотрит мне прямо в глаза, и я вижу – она верит в то, что говорит. Точнее, хочет верить.

Как бы и мне хотелось поверить, что она контролирует ситуацию лучше, чем я.

Глава 7

ЭЛИС

Четыре дня спустя, в воскресенье, во время встречи с сестрой я смотрю на нее и удивляюсь, как сильно она похожа на нашу маму. Я могу предсказать, что именно она скажет в следующий момент, и заранее готовлюсь подавить всплеск раздражения, которое неизбежно почувствую, когда сестра произнесет ненавистное мне слово.

«Не будь такой упрямой».

Я закрываю глаза и слышу эхо маминого голоса. Он зудит прямо над ухом, а я слушаю, поджав губы, как делала в детстве во время мелких домашних склок: начиная с уговоров попробовать новое блюдо и заканчивая ссорами из-за работы по дому. Помню, что даже когда была совсем крошкой, стоило кому-нибудь назвать меня упрямой, внутри начинала клочкотать ярость. Я-то хотела, чтобы меня называли смелой или отважной, а слышала совсем другое.

«Упрямая».

Как тогда, так и сейчас мне хочется сорвать с себя это слово, как срывают пластырь, который носили слишком долго, — сквозь боль и слезы, лишь бы от него освободиться.

И, как в былые годы, я страдаю и ухожу в глухую оборону, а моя сестра Лиэнн смотрит на меня с привычным выраже-

нием отчаяния в глазах, которое всегда шло рука об руку с любовью во всех наших сестринских разборках.

– Тебе придется рассказать им об этом. – Лиэнн наполняет мою кружку из большого кофейника, стоящего на столе между нами.

Я смотрю на него и думаю, что этот кофейник – воплощение нашей непохожести. Это дизайнерская вещь. Очень красивая. Гладкий корпус из нержавеющей стали, с двойными стенками, который и кофе сохраняет горячим, и выглядит потрясающе. А мой пластмассовый кофейник – из ближайшего супермаркета. Дешевый. Яркий. Весело ухмыляясь, он выливает из своего пластикового нутра остывший напиток.

– Это не имеет отношения к делу, Лиэнн.

– Да откуда ты знаешь, имеет или нет? И почему ты так упрямисься?

Я морщусь. Началось.

Сестра качает головой.

– Ладно, прости. – Она поднимает обе руки в знак примирения. – Я не хотела показаться чересчур настойчивой и вредной. Просто тебе столько пришлось пережить... Я очень беспокоюсь, но думаю, что ты не совсем права. Ты должна рассказать полиции абсолютно все.

Вот уже полчаса мы ходим по кругу, пора бы уже сдвинуться с места. Хватит с меня того, что пришлось выслушивать вопросы полиции, на которые не было толковых ответов.

Мы решили пока оставить маму в доме престарелых в Девоне. Сначала нас охватила такая паника, что мы собрались перевести ее оттуда в другое место, и чем скорее, тем лучше. Лиэнн давно мечтает, чтобы мама находилась в Лондоне, поближе к ней, но полиция Девона положительно отозвалась о системе безопасности нынешнего заведения. К тому же мама расстроится, когда узнает, в чем дело, а мы этого не хотим.

– Так как насчет того, чтобы отправиться к маме, Лиэнн? – Я выдерживаю взгляд сестры, давая понять, что хватит уже донимать меня поучениями, что я должна и что не должна рассказать полиции. У меня больше нет сил постоянно думать об этом мерзавце без лица, который вторгся в мою жизнь и всего за пару недель перевернул ее с ног на голову, выжив меня из дома и даже с работы.

Лиэнн кивает, и я протягиваю руку, касаясь ее ладони в знак благодарности. Мои пальцы – словно оливковая ветвь, несущая мир. Просто удивительно, как любовь может так тесно сосуществовать рядом с ненавистью. Может, и не с ненавистью, но уж с раздражением точно. Наш вечный сестринский танец – от любви к чему-то другому и снова назад, к любви.

Пока мы допиваем кофе, я окидываю взглядом громадную кухню Лиэнн. Черные рабочие поверхности из полированного мрамора внизу эффектно контрастируют с белыми шкафчиками наверху. Стильные ручки шкафчиков представляют собой замысловатые узлы из нержавеющей стали.

На широченной газовой плите синего цвета не видно ни следа готовки. Даже отпечатков пальцев нет. Безупречная сияющая жизнь моей сестры.

Я завидую? Нет. Это не зависть...

– Я так благодарна тебе, что ты приехала, Лиэнн.

Ничуть не кривлю душой: сестра все бросила, оставив в Лондоне двух детей с няней и мужем Джонатаном, и примчалась ко мне. Это их загородный дом – классический коттедж с крытой соломой крышей. Ворота надежно защищены, повсюду установлены видеокамеры – одним словом, стопроцентная безопасность.

– Живи здесь столько, сколько захочешь, или перебирайся к нам в Лондон. Как пожелаешь. Жаль, что я не могу надолго задержаться. – Сестра делает паузу. – Джонатан спрашивал, может быть, тебе пригласить сюда кого-нибудь еще? Уборщики, конечно, будут заглядывать пару раз в неделю, но ведь это не совсем то. Мне не совсем по душе, что ты останешься совсем одна после моего отъезда. По крайней мере, пока полицейские не найдут того парня и не раскроют это дело.

– И кого же мне пригласить?

– Ну, не знаю... – сестра краснеет. Наверняка они обсуждали эту тему с Джонатаном. – Может, охранника? Или телохранителя? За деньги не переживай, компания оплатит.

– Ты говоришь прямо как Том. Я же вам не поп-звезда какая-нибудь. Мне не нужен телохранитель. Мне нужна моя собственная жизнь, Лиэнн.

– Знаю, родная. Просто мы очень беспокоимся о тебе.

– Понимаю. Но ведь прошло уже четыре дня. Целых четыре дня от него ни слова. Это ведь обнадеживает, согласишься? Может, он выдохся? – Я стараюсь, чтобы голос звучал как можно более убедительно, но вряд ли мне это удастся.

«Сегодня воскресенье, – напоминаю я себе. – День, когда мы ездим к маме. Хороший день. Спокойный».

И этого типа воскресенья, похоже, не интересуют.

* * *

В машине я постоянно подавляю внутреннее желание обернуться – вновь обретенная привычка смотреть, не едет ли кто за мной. Лиэнн включила классическую музыку. Композитор незнакомый, но мелодия успокаивает. Прекрасно.

Я поворачиваюсь к окну – размытые очертания деревьев и солнечный свет, пробивающийся сквозь листья. Щурясь от солнечных бликов, пытаюсь вспомнить, взяла ли я солнечные очки.

Собираться пришлось в спешке.

С тех пор как полицейские подтвердили, что лампочку в прихожей выкрутили, все завертелось. Хозяин дома заявил, что никого ко мне не посылал и ключей тоже никому не давал. И кто же тогда у меня побывал?..

Тома допрашивали. Соседку, которой я дала запасной ключ, тоже. Задавали вопросы и коллегам. Все приличные

люди среди моих знакомых вдруг превратились в подозреваемых, пока настоящий преступник разгуливает бог знает где.

Но тут возникло новое осложнение. Полицейские обнаружили, что младшая сотрудница агентства по аренде недвижимости годами нарушала протокол, разрешая рабочим, которых отправляют производить мелкий ремонт в арендованных домах, брать ключи и ездить туда без сопровождения – так она сэкономила время. В нарушение всех правил, разумеется. У меня в доме за последний год ремонтники побывали дважды: один раз возникла проблема с отоплением, потом еще что-то. По сути, это означает, что кто угодно мог сделать копию ключа от моего жилища. Разгорелся настоящий скандал – нерадивую сотрудницу наказали, в целом ряде домов срочно поменяли замки.

Полицейские держат меня в курсе событий, но, похоже, пока никаких зацепок. Сырная проволока, которая находилась в коробке с цветами, ничего особенного собой не представляет – такую легко можно купить в любом сетевом магазине. Дешевый китайский товар с сотнями отзывов. Я сама их читала. Двое молодых людей, влюбленная пара, написали, что они приобрели эту проволоку для свадебного торта, можете себе представить? Я в шоке – никогда не думала, что эту штуку так легко раздобыть, и уж тем более – что на нее есть спрос.

Отпечатков пальцев нигде не оказалось – ни в доме, ни на коробке. Курьеру, который ее принес, заплатили налич-

ными, имя заказчика – явно выдуманное, то же самое можно сказать и о визитке цветочного магазина, которую несколько недель назад оставили на моей машине. Судя по всему, мой преследователь не дурак. Вон как старается. Инспектор Сандерс уверена: этот тип читает мои колонки и пытается выбить меня из равновесия. Пользуясь моими же подсказками. Вопрос только – зачем? Кому я, черт возьми, так сильно насолила?

Мы с Лиэнн долго ломали голову, как поступить с мамой: перевести ее в другой дом престарелых или не стоит? Дело в том, что мама сама выбрала именно Девон вместо Лондона, чтобы быть поближе к морю. Ей здесь нравится. Полиция считает, что этому типу, кем бы он ни был, ее местонахождение доподлинно неизвестно. Просто лишний раз прокручивает нож в ране, пользуясь информацией из газетной колонки.

Даже не знаю, что и думать. Для меня главное, чтобы маме ничто не угрожало.

Том совсем потерял надежду увидеть результаты работы полиции и уговорил меня сходить завтра к одному частному детективу. Парень живет и работает в Эксетере. Имеет неплохие отзывы. Как и моя сестра, Том считает, что мне нужна особая охрана, поскольку я живу одна. Он согласен съехаться со мной хоть сейчас, но я еще не готова. Да и какой в этом смысл? Все равно он в последнее время чаще бывает в Лондоне, чем здесь. Не может он сторожить меня круглые

сутки, да и мне этого не надо. А насчет того, чтобы с кем-то жить – не только с Томом, но вообще, – у меня нет такого желания. Одного раза хватит...

Нет. Дом моей сестры в Дорсете – самое лучшее решение моей проблемы, по крайней мере пока. Он надежен, как Форт-Нокс³. Вот она, обратная сторона благосостояния – вечно переживаешь, как бы не залезли грабители. Однако есть и одна проблема – расстояние. Я временно не работаю, но вскоре намереваюсь вернуться в редакцию, и как я тогда буду крутиться, одному богу известно. От дома, который я снимаю, до редакции «Вестника Южного Девона», расположенной между Плимутом и Айвибриджем, всего двадцать минут езды, а вот от Дорсета намного дальше.

– Как долго ты еще сможешь не работать?

Я оборачиваюсь к сестре. Интересно, она мои мысли читает или только выражение лица? Наверное, все дело в том, что я только об этом и думаю. Редактор настоял, чтобы я взяла все накопившиеся выходные. Отгулы – их у меня много. Он считает, что это разумный вариант. Я же считаю совсем иначе – такое чувство, как будто меня наказали.

– Если бы это зависело от меня, я бы вернулась на работу уже завтра.

– Вот упрямая.

– Нет, это не упрямство. Я хочу довести до конца кампа-

³ Форт-Нокс – военная база в Кентукки, где хранится значительная часть золотого запаса США.

нию «Мейпл-Филд-хауса». Снос планируется буквально на днях. Там столько всего происходит, а я должна сидеть в стороне? Не понимаю, почему я вообще позволяю ему вмешиваться в свою жизнь и диктовать правила игры?

– Это временно. Надо потерпеть, Элис. Прошу тебя. Посиди тихо, не высовывайся, пока полиция не найдет этого типа. Как я не раз говорила, ты в любой момент можешь приехать к нам в Лондон, если тебя не смущает наш хаос.

– Ты же в курсе, я терпеть не могу Лондон.

– Из тебя получился отличный журналист. Репортер, который ненавидит Лондон.

– А что такого? Мир не обязан вертеться вокруг столицы, знаешь ли. В провинции тоже есть о чем рассказать, и наши истории не менее увлекательны, чем ваши. А может, и более. Просто национальная пресса ими редко интересуется, ведь это же не столица.

Лиэнн бросает на меня один из своих фирменных свирепых взглядов.

– Прости. Я не хотела пускаться в разглагольствования. – Это еще одна вещь, за которую мама и сестра вечно дразнят меня. Дескать, ну понеслась...

Впереди уже показался дом престарелых, и я снова испытываю то смешанное чувство любви и ужаса, которое накачивает на меня всякий раз, когда я сюда приезжаю. Я люблю свою мать. Просто мне страшно видеть ее в этом месте.

Раньше я думала, что курильщикам не грозит ничего, кро-

ме рака легких.

* * *

Мы расписываемся в журнале посещений, и я с радостью отмечаю, что у главного входа дежурит администратор, который проверяет гостевые пропуска у визитеров. Дверь черного хода закрыта на замок с пин-кодом. Все это нам объяснили, еще когда мы навещали маму два месяца назад.

– У нас ваша мать в полной безопасности. – Женщина с бейджем, на котором написано «Венди», приветливо улыбается. – Мы заботимся о наших гостях. Безопасность всегда в приоритете.

Я молча улыбаюсь в ответ – боюсь, что голос задрожит, если я попытаюсь что-то сказать.

Лиэнн держит букет пионов. Глядя на роскошные бархатно-розовые шапки, я вспоминаю наш сад в Гастингсе, где мы провели детство. Вот уж где было полно пионов, любых цветов и оттенков.

«Девочки, осторожнее играйте в теннис! Не заденьте пионы!»

– Готова? – Лиэнн делает такой глубокий вдох, что хватило бы на нас двоих, и берет меня под руку.

Я киваю в ответ, стараясь не думать о том одиноком цветке на капоте моей машины. И о мертвых пионах в коробке...

Мама в своей комнате, сидит в темно-красном кресле с

высокой спинкой и смотрит в окно, выходящее в сад. На столике рядом с ней книга и стакан воды. На маме прелестная блузка бледно-голубого цвета и юбка в тон, волосы собраны в высокую прическу. Но вот она поворачивает голову и улыбается нам, и я тут же возвращаюсь к новой жестокой реальности. Мама дышит тяжело и часто, в носу у нее специальные трубочки для дыхания. Рядом с креслом стоит баллон с кислородом.

– Здравствуйте, мои дорогие! – Мама счастлива нас видеть, но вынуждена сделать паузу, чтобы перевести дух.

Надо же, всего три слова – и столько усилий. Мама улыбается, но в ее глазах я вижу печаль: она так много всего хочет нам сказать, но не может.

По очереди мы подходим к ней и целуем в щеку, а она протягивает руки за цветами. Начинается наша обычная игра – говорим в основном мы с Лиэнн, а мама вставляет пару слов, когда собирается с силами. При этом мы делаем вид, что все абсолютно нормально. Две дочери по очереди заполняют паузы, которые возникают оттого, что их мать больше не может говорить и дышать одновременно.

– Роскошные, правда? Каждый раз, когда я вижу новый окрас, я в него влюбляюсь, а потом Лиэнн находит что-то еще, лучше прежнего, – говорю я почти нараспев. Так, перестаралась. Надо собраться с мыслями.

– У меня так же. Хотя должна сказать, что этот нежно-розовый оттенок трудно превзойти. – Лиэнн подается вперед, и

мама поглаживает лепестки, а потом показывает в угол. Там, на книжной полке, стоят две пустые вазы.

Лиэнн кивает и идет к раковине, чтобы поставить цветы в воду. Оказывается, она принесла с собой ножницы – достает их из сумочки, – и я думаю, как же это похоже на мою сестру – не забыть захватить ножницы.

И мы снова принимаемся болтать, рассказывая маме о своей жизни. Не все, конечно, – неприятности остаются за бортом. Разумеется, я не говорю о преследователе, а вместо этого мы сообщаем маме, что решили с Лиэнн немного отдохнуть вдвоем в ее дорсетском доме, – целую вечность не виделись, наверстываем упущенное.

– Еще не поссорились? – Лицо мамы говорит яснее всяких слов. Она уже поняла, что может произносить не больше трех слов сразу, и то после паузы, и ее речь стала похожа на вальс – раз, два, три...

– Да нет вроде. Я пока ничего не разбила. Все зеркала целы.

Мама хочет засмеяться, но тут же осекает себя. Дышать еще тяжелее, когда она под эмоциями. «Постарайтесь ничем не тревожить ее, ни плохим, ни хорошим, – предупредила нас как-то медсестра. – Это, конечно, нелегко, но помните: любое волнение может вызвать приступ».

Я не совсем поняла тогда, о каком приступе она говорит, но вскоре мы все увидели своими глазами.

У мамы терминальная стадия ХОБЛ. Хроническая об-

структивная болезнь легких на завершающем этапе. Если бы не кислород для дыхания, она бы уже умерла. Но скоро – правда, никто не знает, когда именно, – это все равно случится, и никакой кислород не поможет.

А пока приступ означает временный перевод в стационар. Здесь, в доме престарелых, хорошо справляются с повседневным уходом, но что-то действительно серьезное они не хотят на себя брать.

«У нас есть все необходимое, чтобы поддерживать вашу мать в стабильном состоянии, – сказала старшая медицинская сестра во время первой встречи. – Однако мы не готовы к уходу за умирающим. Поэтому, если что-то... изменится... нам придется обсудить с вами дальнейшие действия».

Так что мы с Лиэнн уже присматриваемся к местному хоспису, а заодно обсуждаем, не лучше ли будет перевезти маму в Лондон, поближе к сестре. То есть втайне от мамы готовим для нее место, где она будет умирать.

Я изо всех сил гоню эту мысль, стараюсь не думать об этом здесь и сейчас. Возле мамы нужно жить только настоящим, но это особое искусство, которому я еще не научилась. И самое страшное в этой ситуации – для меня, по крайней мере, – это то, что мама по-прежнему красива и выглядит обворожительно. У нее безупречная кожа и блестящие волосы.

Вспоминаю пачку сигарет, которая всегда лежала у мамы на кухонном столе, и хочется повернуть время вспять, схватить эту пачку и ни за что не отдавать ей.

Но я продолжаю болтать как ни в чем не бывало, а когда Лиэнн ставит вазу с цветами, предлагаю пойти в сад и найти там тихий уголок, где можно будет почитать маме книгу.

– Вот эту, да? – Я беру потрепанный томик «Грозового перевала» с закладкой в том месте, до которого дочитала в прошлый раз.

Лиэнн прикатывает из коридора кресло, вдвоем мы легко пересаживаем в него маму, а кислородный баллон помещаем в специальный карман на спинке. Затем вывозим маму из комнаты и петляем по коридорам в поисках медсестры, которая своим пластиковым ключом откроет нам дверь в сад.

«Молодцы, – думаю я. – Пообещали безопасность и держат слово».

В саду мы выбираем скамейку напротив фонтана. Удачное место – отсюда как раз видно море. Мы садимся, и я начинаю читать – с того места, где Хитклифф убегает из дома.

За чтением проходит около часа – за это время Лиэнн успевает отлучиться и принести нам чай с печеньем. Мама по-прежнему тяжело дышит, и все же на свежем воздухе ей чуть полегче. Может, это мое воображение, а может, она действительно чувствует себя спокойнее, потому что знает: ей не придется говорить, ходить или еще что-либо делать. Можно просто смотреть на струи воды в фонтане и слушать, как я читаю.

– Какой приятный ветерок.

Раз, два, три...

– Да, мама. Наслаждайся. Если хочешь, закрой глаза. Просто слушай. Ты же меня знаешь – больше всего на свете я люблю звучание собственного голоса.

Улыбка. У мамы божественная улыбка...

* * *

Вечером того же дня, в Дорсете, когда у меня в голове еще крутятся фразы из «Грозового перевала» вперемешку с журчанием воды в фонтане, я получаю сообщение от Тома – он напоминает, что у нас назначена встреча с частным детективом.

Я повторяю про себя эти слова: «Частный детектив».

Разумеется, мое журналистское любопытство уже удовлетворено – я проверила его в Сети. Мэтью Хилл успел сделать себе имя – некоторое время назад он участвовал в поисках пропавшей девочки. И все же я не могу не удивляться: почему Том решил, что этот Мэтью Хилл чем-то мне поможет?

Хотя речь теперь не только обо мне. Я закрываю глаза и вижу пионы. Сначала одинокий цветок на капоте машины, затем коробку с изрезанными цветами. Я должна спросить детектива Хилла, сможет ли он обеспечить безопасность моей матери.

Глава 8

ОН – ПРЕЖДЕ

– Ты в порядке?

Ему снится, что он в пещере и кто-то трясет его за плечо. Наверное, бабушка. Она ушла гораздо раньше, чем обычно. Но когда он открывает глаза, то видит вовсе не пещеру, а помещение, залитое солнцем. Свет такой яркий, что режет глаза.

– Все в порядке. Просто ты опять заснул.

Голос звучит знакомо, и он поднимает голову. Он не в пещере, а в классе. Мисс Хендерли сидит на краю соседней парты. Больше в классе никого нет.

Он озирается, недоумевая, как же так получилось. Вдруг он видит мелькающие лица одноклассников в окне – они смеются над ним. Брюс, Люк и Хелена. Мисс Хендерли оборачивается и машет им рукой, чтобы они ушли.

– Не обращай на них внимания.

– Что, уже домой? А в школьный клуб разве не нужно? – Он выпрямляется. Руки онемели от того, что он долго лежал на них головой. В животе какой-то комок, как будто он ел впопыхах. А может, он голодный? Или, наоборот, объелся? Или у него несварение? Непонятно.

– Все в порядке. Я не сержусь. Просто я хочу немного по-

говорить с тобой, прежде чем ты пойдешь домой.

– Я не спал. Я притворялся.

– Хорошо, ты притворялся. В любом случае тебе не грозят никакие неприятности. Однако я за тебя беспокоюсь. Такое ведь уже не впервые случается. Ты не в первый раз заснул во время занятий. Что-то случилось? Дома что-нибудь не так? Тебя что-то беспокоит? Хочешь, мы об этом поговорим? Или лучше спросить у бабушки, когда она за тобой придет?

– Нет. Не надо. У меня все в порядке.

– Я заглянула в журнал и поняла, что ты все время выглядишь уставшим по четвергам. Может, в среду вечером ты занимаешься спортом? Ходишь на плавание? Или на футбол? Или в среду вечером смотришь допоздна телевизор?

– Нет. Ничего такого. Со мной все в порядке. Можно я пойду играть?

– Значит, дело в математике? Ты из-за нее тревожишься? По четвергам у нас несколько уроков математики, но ты всегда отлично справляешься. Я тебе честно говорю. Ты хорошо читаешь и считаешь. Тебе не о чем тревожиться. Я хочу, чтобы ты это знал.

– Я не тревожусь. – Это ложь. Его все время что-то тревожит.

Он опускает глаза и замечает пятно соуса на своей рубашке. Вспоминает, что на ланч был пастуший пирог. Значит, полдень уже миновал. Большая перемена. Скоро домой. Да,

сначала в клуб, а потом домой.

Он тут же вспоминает все остальное. Как кто-то вчера ломился в дверь... Было уже темно. И поздно.

– Эй, ты там?! Кто-нибудь есть?! Я знаю, что ты там...

А еще он вспоминает, как ему внезапно захотелось в туалет, когда поднялся этот грохот. Он сел в постели, беспокоясь о том, как бы не испачкать белье. Вот и теперь, стоило об этом вспомнить, ночные ощущения вернулись.

– Можно мне выйти в туалет?

– Иди, конечно. Поговорим позже. В клубе. – Мисс Хендерли делает паузу. – Я побеседую с твоей бабушкой. Расскажу ей о твоих замечательных успехах.

* * *

Остаток дня длился бесконечно. Время в школьном клубе тянулось как резиновое. Обычно ему там нравилось. Он постоянно тревожился о том, что мисс Хендерсон скажет бабушке. Когда прозвенел звонок с последнего урока, она осталась в классе и занялась проверкой тетрадей, а ему сказала: «Еще увидимся», – отчего у него возникла резь в животе.

Внеурочные занятия проводятся в большом зале. Все столы и стулья уставлены коробками с игрушками, пазлами и разными настольными играми. Когда Луиза, которая заведует клубом, велит детям собираться, он действует очень быстро, чтобы выскочить из клуба прежде, чем появится мисс

Хендерли. Но не тут-то было.

Он подходит к двери: Луиза еще не взялась за журнал, а мисс Хендерли уже там, стоит в коридоре.

Когда родители приходят и забирают детей, Луиза смотрит в журнал и каждого вычеркивает из списка. Таковы правила. Через толстое стекло двойной двери он видит, как мисс Хендерли беседует с бабушкой.

Когда Луиза называет его имя, бабуля подходит к двери и говорит, что им надо зайти в класс, чтобы пообщаться с учительницей.

Только не это.

В классе они обе – мисс Хендерли и бабушка – спрашивают у него одно и то же: почему он такой уставший по четвергам. Что его беспокоит?

Он снова отвечает:

– Ничего меня не беспокоит, – и глядит на бабушку.

У бабули много разных лиц. Например, выражение лица, когда она притворяется, будто нисколько не устала. Или когда притворяется, что не сердится. Сейчас она тоже притворяется, только непонятно, что скрывает.

Когда они выходят на улицу и поворачивают к дому, бабушка ерошит внуку волосы и говорит, что это она во всем виновата. Почему-то ему сразу хочется плакать.

– Я ничего не сказал учительнице.

– Знаю, милый. И не сержусь. Тут нет твоей вины.

Когда они приходят домой, бабуля готовит ему горячий

шоколад и наливает в его любимую кружку – с большим зеленым драконом.

– Я кое-что придумала, – говорит бабушка. – Насчет следующей среды. Попробуем один вариант. Ты пойдешь со мной, только это будет наш особый сверхсекретный секрет. Я подыщу местечко, где ты спрячешься. Сможешь сидеть тихо-тихо, как мышонок? Это будет что-то наподобие игры. Вроде прятки.

Отличная новость. Самая лучшая за всю его жизнь.

– Я пойду с тобой? Это будет наш секрет? – Он еще не понял, в чем тут дело, но уже знает, что новый секрет гораздо лучше старого.

– Да. Это новый секрет. Никому о нем не говори, особенно в школе. Ты будешь ходить со мной, только тебе придется прятаться. Попробуем?

– Да, конечно! – Он обеими руками обхватывает бабушку за шею и целует в щеку.

Глава 9

МЭТЬЮ

Мэтью сидит, положив ноги на стол и откинувшись на спинку стула. Странное какое-то чувство. Чем оно вызвано – неясно. Хилл сосредоточенно хмурится, пытаюсь понять, что же тут не так...

Ах да – он же выспался; совсем забыл. Вот что делает с человеком хороший ночной сон. Детектив улыбается, вспоминая свой утренний шок.

Его разбудила Салли: она была сама не своя, взгляд шальной. Вцепившись одной рукой мужу в плечо, она вскинула другую в воздух, словно призывая прислушаться. Хилл приготовился услышать что-то страшное. В дом проникли незваные гости?

Он тревожно осмотрелся по сторонам в поисках подходящего оружия. Что же придумать? И вдруг сообразил – не доносится ни единого звука. В доме тишина.

Глянув на будильник, детектив удивился еще больше: восемь часов утра. Что-то тут не так. Последние пять или шесть месяцев все трое жили по расписанию Амели.

Подъем в 4:45.

Что они только не перепробовали, какие только книги не прочли, изучили кучу сайтов. Подписались на одного парня

в «Инстаграме»: энное количество дочерей, армия фанатов и море бесплатных советов. Из которых не работал ни один.

– Может, ей просто не требуется большое количество сна, – размышляла мать Салли во время воскресного обеда. – Как Маргарет Тэтчер, к примеру. Она очень мало спала...

Мэтт похолодел, услышав такое сравнение.

Они пытались укладывать дочь спать позже. Потом раньше. Пропускали дневной сон. Добавляли дневной сон. Давали меньше молочки. Больше молочки. Ничего не помогало...

Вплоть до сегодняшнего дня, вернее утра, когда их замечательная малышка проспала даже не до восьми часов, а до восьми тридцати...

Мэтью берет ручку и постукивают ею по столу, напевая себе под нос. Улыбается.

– Все кончено, – говорит он себе как раз в тот момент, когда звонит телефон.

Детектив набирает воздуха в легкие – а вдруг это его новые клиенты, та молодая пара, звонят, чтобы отменить встречу? Такое нередко бывает – люди пугаются и дают заднюю. Хилл смотрит на часы. В последнее время дела его агентства идут весьма неплохо – несколько крупных успехов привели к нему ряд новых клиентов, – однако этот месяц выдался что-то слишком спокойным, так что новые заказы не помешают.

– Они вернулись, – слышит он в трубке. Голос, кажется, знакомый. – Я думал, они ушли насовсем, мистер Хилл. Помните? С тех пор уже много времени прошло. Мы с вами говорили тогда и вместе решили, что они уже не вернуться. Мы ошиблись. Они снова здесь, теперь их даже больше, чем прежде. Вы должны мне помочь.

– Такие же крошечные, как и в тот раз? – упавшим голосом спрашивает Мэтью.

Он узнал абонента: это Иан Эллис, своего рода постоянный клиент, который замучил его звонками, когда он только открыл агентство. Иан верит, что его хотят похитить крошечные человечки. «Что-то вроде лилипутов». Эллис то звонит изо дня в день, то надолго исчезает, и так уже несколько лет.

– Да, такие же. С большой палец. Правда, одеты по-другому. По-моему, это как-то связано с брекситом⁴. Они теперь выглядят по-европейски. И вооружены. Я объясняю им, что не голосовал за выход, но на них это не действует. Они не дают мне пройти по коридору. А мне очень нужно в туалет. Простите мне мою неделикатность, мистер Хилл, но мы, кажется, на пороге серьезного инцидента.

Мэтью прикусывает губу. Однажды такое уже было: Иан вдруг стал ужасно настойчивым, звонил по нескольку раз на дню. Детектив старался проявлять великодушие и помогал

⁴ Брексит – выход Великобритании из Евросоюза, осуществленный зимой 2020 года.

чем мог. Иан был из тех людей, что существуют на обочине социума, истощив терпение врачей в поликлинике и больнице, а также работников всех экстренных служб. Мэтью чувствовал, что оказывает своего рода услугу бывшим коллегам из 911, отвлекая звонки Иана на себя.

Так продолжалось довольно долго: Иан то звонил, то не звонил, то снова звонил. А потом звонки прекратились: абонент как в воду канул. Мэтью уже и думать забыл о нем, полагая, что проблема рассосалась.

– Понятно... э-э... то есть странно, что они снова появились, Иан. Что же могло их спровоцировать? Я думал, в последней беседе мы с вами договорились, что они ушли насовсем. Что-то, наверное, случилось, раз они вернулись?

Пауза. Мэтью слышит, как Иан делает глубокий вдох, готовясь к длинной речи. Детектив уже ждет, что на него обрушится словесный поток – описание деяний и внешнего вида человечков, которые совсем от рук отбились, но вместо этого слышит нечто другое. Пытаясь понять, что это означает, Мэтью плотнее прижимает трубку к уху. К его ужасу, звук больше всего похож на отдаленный плач.

– Иан, все в порядке? – Мэтью всегда раздражали звонки этого человека. Они навевали на него грусть. Его злило, что обществу не хватает ресурсов для помощи таким людям, как Иан. В общем, спектр эмоций, в которые его повергали звонки мистера Эллиса, был достаточно широк. Сегодня к ним впервые прибавился страх. И еще чувство вины.

– Ничего не случилось, мистер Хилл. Никто никого не провоцировал. И зачем вы только это сказали? Почему людям вечно нравится искать причину в провокации? Вы просто не имеете права задавать мне такие вопросы. – И тут кое-что снова случается впервые: Иан первым кладет трубку.

Мэтью выпрямляет спину. Ему вдруг становится не по себе – и от того, что Иан позвонил снова, и от того, чем закончился этот звонок. И тут интерком объявляет о приходе пары по делу преследователя. Мэтью нажимает кнопку, чтобы открыть дверь, и, все еще думая о Иане, по громкой связи предупреждает посетителей о крутой лестнице, на которой, как он полагает, кто-нибудь обязательно свернет себе голову.

Встав со стула, детектив подходит к двери, распахивает ее, готовясь к встрече, и тут же дает себе мысленный зарок: если Иан позвонит снова, обязательно его навестить. Вот именно. Навестить.

– Извините, мы немного задержались. Долго искали парковку. – Том, тот самый парень, который звонил Мэтью, когда он был в супермаркете, и позже назначил эту встречу, протягивает руку.

Рукопожатие твердое, но выражение лица выдает нервозность. Такое бывает. Вторая рука покровительственно лежит на талии подружки, и Мэтью глядит сразу на обоих, предлагая им присесть и выпить по чашечке кофе.

– У меня на кухне вполне приличная кофемашина. Подождите секунду, я сейчас запущу ее, и мы поболтаем. – Мэтью

любит тайно наблюдать за клиентами из кухни сквозь дверную щелку, это помогает ему понять, с кем – и с чем – предстоит иметь дело на этот раз. Они с Салли живут в домике у моря, но эту квартирку, примыкающую к офису, он оставил за собой и находит это жутко удобным.

Он видит, как Том пожимает ладошку Элис. Атлетического сложения, волосы темные, короткая стрижка. Недешевый синий пиджак, под ним белая футболка. Живот плоский, подтянутый. На вид лет тридцать пять, не больше. Девушка помоложе, лет двадцать восемь – двадцать девять; светловолосая, стройная, даже почти худая, в цветастом платье под джинсовой курткой. Том ободряюще улыбается ей, но девушка сидит бледная, ей явно не по себе. Конечно, можно предположить, что она напугана угрозами, а может, ей не хотелось сюда идти.

Через несколько минут Мэтью входит с подносом, на котором стоят три чашки кофе и кувшинчик вспененного молока, и решает сразу взять быка за рога.

– Значит, так. Том уже почти все рассказал мне по телефону, Элис. Понимаю, как это было неприятно для вас и как вам тяжело теперь. Поэтому, прежде чем говорить о наших перспективах, я хочу задать вопрос: вы не против моего участия в этом деле?

– Мы оба чувствуем, что полиция делает недостаточно. Похоже, им просто не хватает ресурсов. – Том подается вперед. Он явно возбужден. – Честно говоря, мы просто в шоке.

От того, насколько мало у них возможностей.

– Вы тоже так думаете, Элис? – Мэтью испытующе смотрит на девушку. Ему понятно беспокойство Тома. Будь на месте Элис его Салли, он тоже землю рыл бы, но ему надо знать мнение клиентки.

Элис поднимает глаза на Тома, улыбается ему бледной улыбкой и только тогда отвечает детективу:

– Не хочу вам лгать, это была идея Тома, не моя. Он очень тревожится за меня. И надеется, что ваши действия смогут дополнить действия полицейских.

– Или их бездействие, – саркастически замечает Том.

– А кто занимается вами в полиции? Кому отдали ваше дело? – спрашивает Мэтью у Элис.

– Инспектор Мелани Сандерс. Мое дело у нее. Говорят, она хороший детектив. Это правда? Я так понимаю, вы вместе работали?

Хилл слегка прищуривается. Значит, Элис погуглила информацию о нем, прежде чем идти сюда, собрала, так сказать, данные. Хотя чему тут удивляться, она же журналист, для нее это обычное дело.

– Да. Мы с ней знакомы, и она именно такая. Хороший детектив, я имею в виду. Мы вместе учились, а недавно сотрудничали по делу об исчезновении человека. Так что вы в надежных руках.

– Но они отказались приставить к Элис наблюдение! – Том снова подается вперед. – Вас это не настораживает? Я счи-

таю, что с этого необходимо начать, что это будет первый шаг в организации защиты. В конце концов, этот тип угрожал ей. Возможно, даже побывал в ее доме. Может, он и сейчас за ней следит.

Мэтью подсаживается к компьютеру и нажимает на клавиши, открывая записи, которые сделал после второго разговора с Томом, когда звонил ему после супермаркета.

– Так что криминалисты, молчат? Нашли какие-нибудь отпечатки на проводке, в доме или на коробке?

– Видимо, нет, – качает головой Элис. – Наверное, он был в перчатках. И он умен. По крайней мере, опытен. Полицейские считают, что он читает мою колонку в газете. Я чем-то задела его в своих статьях, и он мстит.

– Вы кого-нибудь подозреваете? Может, это бывший парень? Или участник какого-нибудь дела, которое вы освещали в суде. Ну или что-то в этом роде.

– Нет, я ни на кого не думаю, честно. – Выражение лица девушки меняется, и Мэтью пристально смотрит на нее. Он замечает, что она отпускает руку Тома. Интересно.

Он переводит взгляд с нее на него. Том взволнован, даже коленкой дергает от напряжения. Мэтью еще раз оценивает взглядом его пиджак – да, дорогая вещь. Том – альфа-самец, не иначе. Да. Выглядит представительно. Привык, наверное, что его жизнь идет по раз и навсегда размеченному плану. Сейчас, очевидно, чувствует себя беспомощным, и это ему не нравится. Мэтью тоже собрал кое-какую информацию о

клиентах: заглянул в аккаунт Тома в «ЛинкедИн», поинтересовался его положением в юридической фирме. Амбициозен. Частная школа, диплом с отличием по праву от Лондонской школы экономики. Мэтью недолюбливает выпускников частных школ и потому невольно ощетиливается, но тут же берет свои эмоции под контроль. Нечестно судить о человеке только из-за среды его обитания. Конечно, Тому не нравится то, что происходит с его девушкой. А кому понравилось бы?

– Вот я и подумал, не согласитесь ли вы на роль наблюдателя, – заканчивает Том. – Присматривать за Элис по средам. Этот парень – похоже, проявляется только в этот день...

– Но мистер Хилл ведь не телохранитель, а я не поп-звезда, Том. Зачем ему ходить за мной по пятам, разве у него других дел нет? Да и я не собираюсь так жить, постоянно рассчитывая на чью-то защиту.

– Я действительно не занимаюсь личной безопасностью как таковой, – подтверждает Мэтью.

– Да, я знаю. Это указано на вашем сайте, – отвечает Том взволнованно. На его лице читается тревога. – Но я подумал, что вы бы, возможно, могли уделять один день в неделю этому делу. Если договоримся на среду, то вы сможете и приглядывать за Элис, и собирать кое-какую информацию, которая поможет поймать преступника. Пора положить этому конец. – Том смотрит на Хилла умоляюще.

Мэтью усмехается уголком рта. Он наблюдает за Томом, видит его отчаяние и решает, что парень ему скорее нравит-

ся, чем нет. Да и регулярная подработка тоже весьма кстати, этого нельзя отрицать. Просто он никогда не занимался подобными делами. Он же не телохранитель. И незачем создавать прецедент.

– А вы что думаете, Элис? – Детектив старается, чтобы его голос звучал нейтрально.

– Я, честно говоря, не знаю. То есть мне, конечно, страшно. Неприятно признаваться в этом, но я с ужасом жду, что еще выкинет этот тип. И мне было бы легче, знай я, что кто-то активно работает над этим делом. Я понятия не имею, почему все происходит именно по средам. Может быть, это простое совпадение.

– Да нет, вряд ли совпадение. Скорее похоже на схему, – возражает Хилл, снова заглядывая в свои записи.

– Да, согласна. – Девушка наконец смотрит прямо на него, и в ее глазах он видит страх. И почему-то снова думает о своей жене. А еще о дочери.

– Давайте сделаем так. Я поработаю с вами в ближайшую среду. Буду с вами с раннего утра и до тех пор, пока вы не окажетесь в безопасности. Например, до вечера, пока не вернется Том. Вы, кажется, говорили, что живете сейчас в Дорсете? – Детектив снова бросает взгляд на экран компьютера.

– Да. В доме сестры. Там хорошая сигнализация, так что я чувствую себя в безопасности. Но на следующую среду у меня назначено интервью, и я не хочу его отменять. Так что если вы сможете поехать туда со мной или понаблюдать за

мной со стороны, то мне будет легче.

– А вы разве не взяли отпуск? – Мэтью продолжает проверять информацию, полученную от Тома.

– Верно, в офис я сейчас не хожу. Мы решили подождать, пока все утихнет. Но это интервью запланировано давно. Я договорилась с одной местной актрисой, а она редко бывает доступна. Получить у нее интервью – что-то типа трофея для журналиста, и я не хочу отказываться от такого шанса. Профессиональная гордость не позволяет.

– Хорошо. Я вам напишу, и мы обсудим детали по почте. А в среду посмотрим, что будет, и примем решение по ходу. Договорились? – Мэтью набирает воздух в грудь, готовясь к самому сложному. – Расценки вам известны?

– Просто отправьте чек мне. Деньги не проблема. – Том расправляет плечи.

– Том. Пожалуйста. Я и сама могу...

– Не спорь. Моя идея – мои расходы. Чек отправляйте лично мне, мистер Хилл. Я оплачу такое количество часов, какое вы назовете. И за столько дней, сколько потребуется. Согласны?

Мэтью кивает, а Том снова берет Элис за руку.

– Как вы считаете, он же не собирается воплотить свою угрозу в реальность? – спрашивает вдруг Том тихим голосом. – Мне кажется, он просто пытается напугать Элис. Что это и есть его главная цель. Вы согласны?

Мэтью задумывается, прежде чем ответить.

– Инспектор Мелани Сандерс – один из лучших известных мне офицеров полиции. И она сделает все возможное, чтобы прекратить угрозы в ваш адрес. Но я не хочу вам лгать. Ресурсы полиции ограничены, а преследователи могут быть весьма непредсказуемы. Их действия загоняют жертв в настоящий стресс. Я со своей стороны обещаю приложить все силы, чтобы помочь полиции.

Но он не говорит клиентам главного – ответ на вопрос Тома зависит от того, какой именно преследователь достался Элис.

Хорошая новость заключается в том, что большинство преследователей – не убийцы.

Плохая же в том, что многие убийцы начинают как преследователи.

Глава 10

ЭЛИС

Вторник. Я то и дело поглядываю на буквы «Вт» на экране своего телефона. Раньше я никогда даже не задумывалась о том, из каких именно дней складывается неделя, но теперь только об этом и думаю. Какой сегодня день. И чем меньше времени остается до среды, тем короче мой сон.

В прошлом меня никогда не волновало, какой сегодня день, важно было только, работаю я или нет. Для меня как для журналистки привычное расписание, состоящее из будней и выходных, отсутствует. В газете все работают по скользящему графику так, чтобы закрывать выходные. Поэтому бывает, что во вторник у меня выходной, зато в воскресенье – рабочий день. А на следующей неделе выходной понедельник при рабочей субботе. Одним словом, ни одна неделя не похожа на другую, и я просто отмечала зеленым квадратиком очередной выходной в календаре на кухне, а по утрам, когда пила кофе, радовалась, видя, что зеленый квадратик приближается. Прежде форму рабочей неделе придавали совсем другие вещи: пилатес по четвергам и французский разговорный клуб во вторник.

А теперь? Я сижу одна, на кухне в доме своей сестры в Дорсете, и спрашиваю себя, чем сегодняшней день, вторник,

отличается от всех остальных дней недели. И отвечаю себе – своей близостью к среде.

Я не могу расслабиться, потому что все время задаю себе вопросы: «А что будет дальше? Что этот псих учинит со мной завтра? Или с моей матерью? И действительно ли Мэтью Хилл прикроет мне спину? Защитит нас? И, наконец, самое главное – этот тип что, так и будет атаковать меня по средам или все это простое совпадение?»

Мой редактор все еще настаивает, чтобы я использовала все накопившиеся отгулы. Я убеждаю себя, что это разумно, но в глубине души сомневаюсь: а может, Тед просто хочет выдворить проблему за стены офиса? Он не позволяет мне писать о том, что происходит, как бы я это ни называла: проблемой ли преследования или как-то иначе. Считает, что с этой темой нужно поступать так же, как с ложными угрозами взорвать бомбу в былые времена: «Обсуждение проблемы в публичном пространстве – такая же подпитка для нее, как кислород для огня. А ему только этого и нужно, Элис. Поэтому в газете мы не будем об этом писать. Вообще ничего. Ни слова».

Тед по-прежнему говорит о газете так, словно ее бумажная версия и есть главное в ее существовании. Но это, разумеется, не так. Читатели бумажного варианта нашей газеты вымирают, причем буквально.

Газета Южного Девона, как и другие издания, в прошлом печатные, сегодня размещает каждую статью и каждую фо-

тографию онлайн в тщетной надежде выработать новую рекламную стратегию для получения дохода.

Реальность же заключается в том, что мы находимся в состоянии свободного падения. Наши последние читатели стареют и уходят, как я уже сказала, в мир иной. Рекламодатели давно поставили на бумажных газетах жирный крест, а делать так, чтобы реклама в интернет-изданиях работала на нас, мы еще не научились. Вокруг столько конкуренции. А это значит, что еще год-два, и мы все останемся без работы. Самые мудрые из нас уже перешли в «связи» – то есть в PR или в маркетинг, а некоторые погрузились в изучение тайн того, что именуется «оптимизацией контента под поисковики».

Но я-то всю жизнь хотела лишь одного – писать, и потому у меня совсем нет уверенности в том, что я смогу переключиться на продажи.

Я смотрю на часы. Всего десять утра. Дорсет далеко, на урок французского я не успеваю, и передо мной расстилается тряси́на скуки и тревоги. Но сидеть без дела в этом доме, превращенном в подобие Форт-Нокса, и наблюдать, как медленно текут часы, я тоже не хочу, поэтому я поднимаюсь наверх, в свою спальню, чтобы взять свою спортивную сумку. Слава богу, плавательные принадлежности со мной.

Но, оказывается, выйти из дома в одиночку страшно. Я и сама не заметила, как привыкла к безопасности, обеспеченной системами камер слежения и сигнализацией. Да и Ли-

эни будет в ярости. Она вернулась в Лондон, к семье, а мне велела сидеть тут и ждать, «когда все рассосется». Ну и что теперь делать, поставить еще один фильм?

Я перебираю возможности. Оглядываю кухню, где взгляд неизбежно утыкается в огромный телевизор на стене. Господи, сколько же фильмов я уже пересмотрела.

Нет, меня положительно тошнит от кино. И от сидения взаперти тоже тошнит. И от чувства собственной беспомощности. И от того, что мою жизнь контролируют другие люди. Я несколько минут держу ключи от машины в руке, прежде чем решиться. Вскоре меня встречает чудо – ворота, которые сами открываются перед моей машиной и так же за ней закрываются. Игрушка для богатых. Сладкая жизнь моей сестры.

Въезжая на первый холм, я спрашиваю себя – будет ли когда-нибудь конец этим бесконечным навязчивым вопросам, которым теперь подчинена вся моя жизнь. Не сошла ли я с ума, покидая тихую гавань? Может, да. А может, и нет. Что мне делать – развернуться и ехать домой? Может, да. А может, и нет.

Я слегка прибавляю скорости и громкости. Выезжая на главную дорогу, я обнаруживаю, что за мной едет красная спортивная машина. Сердце начинает биться как бешеное. Но красный автомобиль вскоре сворачивает на очередном светофоре, и я чувствую себя полной дурой.

Спортивный зал, в который я хожу в Девоне, слишком да-

леко, и я решаю навеститься в общественный бассейн. Даже не помню, когда я в последний раз была в таком месте, но сестра как-то говорила, что ее дети брали уроки плавания в здешнем бассейне и он вполне неплох. Моя сестра шагу не ступит туда, где нет платного членства, а значит, этот бассейн должен быть по-настоящему классным.

Навигатор приводит меня к цели. Парковка большая, свободная. Я уже начинаю думать, что это отличная идея – занять себя чем-то там, где много людей. Уж в толпе-то на меня никто не нападет, верно? Я быстро переодеваюсь, с приятным удивлением обнаружив, что в бассейне есть не только общая раздевалка, но и симпатичные кабинки для переодевания. И шкафчики тоже есть, причем достаточно вместительные. Вода оказывается даже теплее, чем я рассчитывала, и вскоре я уже полностью отдаюсь знакомому ритму, который всегда переносит меня в какое-то иное пространство.

Широкий гребок, еще один, вдох... широкий гребок, еще один, выдох...

Одну дистанцию я проплываю быстро, по «серьезной дорожке», отделенной от остального водного пространства ярко-оранжевым канатом с синими буйками. На второй дистанции я позволяю себе слегка расслабиться и отдаться течению мыслей.

Не знаю, почему мне вдруг вспоминается Джек, который утихомиривал по телефону женщину, жаждавшую поведать нам историю своего развода как раз в тот момент, когда я

взяла трубку и услышала тот голос. «Я порежу тебя проволокой для сыра». Как спокоен тогда был Джек. Глаза встревоженные, но все движения размеренные, неторопливые – в общем, как раз то, что нужно, чтобы я не почувствовала себя полной дурой и не расквасилась окончательно.

В который уже раз я жалею, что не удержалась и перешла черту с Джеком. Выставила себя на посмешище. Это было давно, месяцев семь-восемь тому назад. Как раз перед тем, как встретить Тома.

О чем я тогда думала, ума не приложу. Бедняга совсем недавно потерял жену – чертов рак яичников. С тех пор и года не прошло, а тут я практически назначаю ему свидание. Пристала к нему, и все. «Пойдем в итальянский ресторан, Джек. Простенько, зато готовить не надо. Что скажешь?»

Может, он согласился только из вежливости, кто знает. В офисе мы отлично ладили, к тому же я ему сочувствовала. Жену потерял, да еще вот так. Но нет, надо быть честной до конца. Широкий гребок, еще один, вдох... Он мне действительно нравился, так что я пригласила его не только ради него, но и ради себя. Стыдоба.

В общем, тот поход в ресторан обернулся полной катастрофой. Мы взяли джин с оливками. Я вдруг страшно разнервничалась, оставшись с ним один на один, вне офиса, и принялась трещать без умолку. Задавала слишком много вопросов. И слишком много выпила, едва ли не залпом. К тому моменту, когда принесли главное блюдо, Джек был бле-

ден, а я здорово опьянела. Но мне и этого было мало, я начала флиртовать, причем по-настоящему. Какой-то частью рассудка я понимала, что за меня говорит джин и что все это плохо кончится, но остановиться не могла. Я протянула руку через столик и коснулась его руки. Бедный Джек. Он сначала удивился, потом смутился. А я выпила еще. После чего потянулась к его руке во второй раз, но он отпрянул как ужаленный. Я была гораздо пьянее, чем мне казалось. Мой спутник бормотал что-то о неправильно истолкованных сигналах и ужасном недоразумении.

– Прости меня, Элис. Я не должен был соглашаться. Я не могу. У меня такое чувство... не знаю. Неправильное какое-то. Наверное, мне лучше уйти.

И он ушел, даже горячее не доел. Оплатил счет, вызвал мне такси и исчез.

После того случая мне еще долго было не по себе, когда мы встречались в офисе. Я краснела, он тоже краснел. И когда пару недель спустя на сцене вдруг появился Том, я начала встречаться с ним с преувеличенным энтузиазмом, как школьница.

Что ж, все-таки выход...

Позже я все-таки угостила Джека кофе и извинилась.

– Прости, Джек. Помнишь тот итальянский ресторан? Я, честно, не хотела, чтобы это выглядело как свидание. Честное слово, не хотела... У меня и парень есть. Его зовут Том, он юрист. Надо вас познакомить. Мы тут на днях хотим схо-

дить куда-нибудь выпить, я вас познакомлю.

– Было бы здорово, Элис. Прости, что я так странно вел себя в ресторане...

– Брось. Это моя вина. Я слишком много выпила. В общем, прости меня, и пусть между нами все будет как раньше. В смысле мы друзья. И я познакомлю тебя с Томом. Он тебе понравится.

* * *

Я подныриваю под канат с синими поплавками и подплываю к бортику бассейна. Снимаю тонированные очки и жду, когда глаза снова привыкнут к яркому освещению. Тем временем оглядываюсь вокруг, начиная различать лица. Вот мужчина с двумя детьми. На их плечах яркие надувные нарукавники. «Странно, почему он не на работе, а дети не в школе?» – думаю я.

На высоком стуле сидит спасатель и тоже осматривает бассейн. Вид у него скучающий, и мне думается, что ему, наверное, даже понравилось бы, если бы кто-то вдруг начал тонуть. По крайней мере, тогда бы он смог почувствовать себя полезным. Хотя нет. Это жестокая мысль.

Интересно, а что думает о своей работе Мэтью Хилл? Ходит за мной по средам, и что? Надеется, что ничего не случится? Или, наоборот, втайне мечтает оказаться полезным?

Вот так же и мы, журналисты, совершаем рутинный об-

звон отделений полиции и «Скорой помощи» и пожарных бригад – утром, днем и вечером. Конечно, мы никому не желаем зла.

И все же втайне всегда надеемся поживиться «историей».

Глава 11

МЭТЬЮ

Мэтью Хилл поворачивает голову ко входу в кафе и замечает женщину с детской коляской, которая поднимается по крутым ступенькам. Может, ей помочь, хотя бы дверь придержать? Он напряженно смотрит, но вскоре понимает, что помощь не нужна: другой мужчина, который был ближе к выходу, придерживает дверь, и женщина благополучно заходит внутрь. И даже более чем благополучно: ребенок продолжает мирно дремать в коляске с соской во рту.

Сегодня вторник, завтра он занят – присматривает за Элис. Почему-то ее случай вызывает у него тревогу, ему хочется с кем-нибудь поговорить, посоветоваться. Он смотрит на часы и, толкнув стол, чтобы проверить, не шатается ли он, возвращается к пирамиде из сахарных пакетиков. Стол стоит твердо – подложенная под ножку салфетка сделала свое дело. Мэтью сложил уже четыре пирамидки второго уровня и начинает надеяться, что вот-вот выйдет на третий. Как удачно, что здесь еще не перешли на тощие трубочки с сахаром, как в других местах. Точными движениями Мэтью берет еще два пакетика, стряхивает с них налипшие кое-где сахарные гранулы и подается вперед...

– А ты, я смотрю, не меняешься, мистер Очумелые Руч-

ки, – раздаётся у него над ухом голос Мелани Сандерс, в котором чувствуется улыбка.

Наверное, она вошла сразу за той женщиной с коляской, а он и не заметил. Хилл слишком резко оборачивается, и сахарный домик рушится.

– Мел! – поражённо вскрикивает он и тут же жалеет о своей несдержанности, однако на Мелани и впрямь нельзя глядеть без изумления.

– Да, я знаю, я огромная. Как кит. А мне ещё целый месяц работать. И не притворяйся, что ты не шокирован.

– Я не шокирован. Слушай, а у тебя что, двойня? – Он целует её в щеку, не в силах отвести глаз от необъятного живота.

– Если бы каждый, кто задаёт мне этот вопрос, давал за него фунт...

– Ой, прости. Но правда, у вас в семье никогда не было близнецов?

– Да нет, мне даже дополнительное сканирование делали. Малыш один, просто очень крупный. Но не исключено, что врачи ошиблись и я ношу слоненка, а не ребенка.

Мэтью с улыбкой встает, чтобы сделать заказ.

– Тебе кофе? Или пирожное?

– И то, и другое. Морковный торт, если у них найдется. Я ведь за двоих ем. Отъедаюсь на пользу Британии. Вот и ребенка раскормила.

Вернувшись за столик с кофе и тортом для Мелани,

Мэтью решает не начинать разговор первым: пусть Мел созреет. Им и раньше случалось работать по одному и тому же делу, причем неофициально, и всегда успешно, но она все равно рискует, встречаясь с ним вот так. Ее могут обвинить в разглашении информации по делу, находящемуся в производстве. Он это знает. И она тоже.

Мелани окунает палец в пенную шапочку своего капучино, слизывает с кончика пальца молоко и крошки шоколада и вздыхает.

– Ладно. Давай рассказывай, как так вышло, что ты работаешь по делу Элис Хендерсон и ее преследователя?

– Меня нанял ее парень, Том. Ты ведь наверняка знаешь – он считает, что полиция ничего не предпринимает.

– О да. Уж он ничего от нас не скрыл, скорее наоборот. А ты о нем что думаешь, о Томе? Мы его, конечно, проверили: чисто. Приводов нет. Ничего подозрительного тоже нет, а главное – железобетонное алиби. Вычеркнуть его из списка подозреваемых, что ли? По мне, так он чист, хотя и сильно меня раздражает.

– Ага, и меня. Привык, видно, что все вокруг него с рождения пляшут. Синдром серебряной ложки во рту. Знаешь, у меня такое впечатление, что он ее любит больше, чем она его, но его это как будто устраивает, а она рада, что ей есть на кого опереться. Я пытался объяснить им обоим насчет ограниченных ресурсов полиции.

– Понятно. Ну, мы-то с тобой оба знаем, насколько я во-

обще ограничена в своих действиях. Мне и дело это дали потому только, что наш шеф лично знаком с редактором газеты, где работает Элис, а я скоро уйду в декрет. Видимо, он считает, что делать тут особо нечего и я справлюсь, не вставая из-за стола.

– А тебе как кажется, Мел?

– Ну, про Тома я тебе уже сказала, он чист. Мы его как следует проверили, но ничего не обнаружили. Ну карьерист, это о нем все говорят. Однако на службе к нему хорошо относятся. Птица высокого полета. Он, можно сказать, популярен. Короче, комар носа не подточит. И каждый раз, когда Элис попадала в очередную переделку, он был в суде.

– Тогда кого ты подозреваешь? Сырная проволока – это не ниточка? Элис говорила мне, что ты долго ее об этом расспрашивала. Странная угроза, правда?

– Мы опросили всех продавцов из продуктовой лавки, где она обычно отоваривается, и из супермаркета тоже, и ничего, чисто. Так что, я думаю, надо искать бывшего бойфренда или кого-то, обиженного какой-нибудь ее статьей. Хотя это как искать иголку в стоге сена – я про обиженных. Оказывается, репортеры столько пишут – уму непостижимо. Я и не подозревала, что они такие плодовые. Элис иногда пишет такие статьи, с личностным подтекстом, знаешь, что немудрено, если они капнули на мозги какому-нибудь психу. Ну а тебя зачем наняли, Мэтт?

– Чтобы я приглядывал за ней по средам и выяснил, на

самом ли деле этот день имеет такое значение.

– То есть тебя приставили к ней для охраны? – Мелани выразительно поднимает брови. – Ты теперь телохранитель? Типа Кевин Костнер⁵? Вот не думала, что это в твоём стиле.

Залившись краской, Мэтью допивает кофе.

– Я бы и не взял, Мел, но очень уж она славная, эта Элис. А такие случаи, как у нее, сплошь и рядом плохо кончаются, ты же знаешь. Без круглосуточного наблюдения тут вообще нечего делать. Я предупредил их обоих, что в телохранители как таковые не пойду, но раз в неделю на двадцатичасовое дежурство согласен.

Мелани тяжело вздыхает:

– Ясно. Знаешь, строго между нами: я рада, что ты тоже работаешь по этому делу, потому что прекрасно знаю – людей мне дадут только в самом худшем случае, то есть если ситуация будет накаляться. Криминалисты ничего пока не нашли, видимо, тот, кого мы ищем, хорошо знает, что делает. Кстати, меня волнует мать Элис. Либо она и есть настоящая жертва, либо мы что-то упустили. Может, он втянул ее, только чтобы накрутить Элис? Мы проверяем финансы. Возможно, ее смерть кому-то выгодна.

– А что за система безопасности в ее доме престарелых?

– Нормальная. Везде камеры, на входе охрана. Я велела

⁵ Отсылка к фильму «Телохранитель» (1992), где Костнер играет роль охранника певицы-суперзвезды (в исполнении Уитни Хьюстон), которой угрожает преследователь.

нашим патрулям заглядывать к ним каждый день, чтобы не расслаблялись. Но порядок они соблюдают четко. – Сделав паузу, Мелани продолжает: – Может, и тебе к ним заглянуть, для верности? Например, попробуй заболтать их так, чтобы они позволили тебе пройти внутрь. Это не по протоколу, и если они купятся, значит, нарушают. Ну, если у тебя, конечно, время будет.

– Отличная мысль. Конечно, будет. – Мэтью, вздохнув, смотрит бывшей коллеге прямо в глаза:

– Скажи, Мел, а ты вспоминаешь дело Рейчел Аллен?

Она кивает.

– Вот и я тоже.

Когда они оба были еще студентами, в Девоне завелся преследователь, и его дело стало для них чем-то вроде учебного пособия. Мэтью и Мелани как раз приставили к команде, которая им занималась. Одна официантка, девушка лет двадцати с небольшим, жаловалась на приставания бармена. Она ему нравилась, он стал ей звонить, слать сообщения. Девушка не отвечала, поклонник совсем потерял голову, слал ей домой букеты, конфеты, плюшевых мишек. Бармен не распускал руки, приводов в полицию у него не было. Старшие коллеги поручили Мэтью и Мелани следить за развитием событий и докладывать обо всех деталях. Одна студентка даже выговор получила, когда во время обсуждения ситуации пошутила: «Жалко, что мне никто не шлет конфеты и букеты».

Но в целом в команде, которая вела это дело, преобладало мнение, что бармен – парень безобидный, а любовь у него со временем рассосется. Один из коллег постарше даже намекнул Хиллу, что они зря теряют время...

А потом Рейчел Аллен нашли задушенной в ванной. Мэтью до сих пор не забыл фотографии с места преступления.

Бармен забрался в квартиру через окно, а когда Рейчел начала визжать и звать на помощь, в голове у него что-то щелкнуло, он схватил пояс от ее халата и задушил им девушку. На допросе он говорил, что знал: им суждено быть вместе. «Но Рейчел сопротивлялась...»

– Ладно, Мэтт. – Лицо Мелани потемнело, и он сразу заподозрил, что и ей вспомнились те жуткие снимки. – Если бы мы жили в идеальном мире, то я нашла бы этого типа, пока еще в состоянии двигаться. В мире реальном нам надо позаботиться о безопасности Элис, а заодно набрать достаточно улик для обвинения. Этого будет вполне достаточно, чтобы я заработала лишнее очко в глазах начальства и со спокойной душой ушла в декрет объедаться морковным тортом. Понимай это так: за любую твою помощь по этому делу я буду тебе несказанно благодарна.

– Хорошо, Мел, буду держать тебя в курсе. Если что найду, сразу поделюсь. Для начала посмотрим, как пройдет завтрашний день.

– Отлично. Спасибо. И, кстати, позволь спросить, как

твоя Сэл умудрялась сохранять едва заметный животик? Насколько я помню, она была на том же сроке, что и я сейчас, но у нее ничего даже заметно не было. – Мел с огорчением смотрит на свое необъятное пузо, обтянутое блузкой так, что ткань того и гляди лопнет. Из-за него она даже за стол прямо сесть не может – сидит боком.

– Понятия не имею. Но, вероятно, тебя утешит, если я скажу, что ребенок, который появился из крошечного животика два года назад, из милой крошки превратился в сущего чертенка. Строго между нами, я уже подумываю, не пригласить ли экзорциста.

Глава 12

ОН – ПРЕЖДЕ

Бабушка много говорит о «работе», но он никак не возьмет в толк. Он видит, что быть учителем – это работа. Водить автобус, летать в космос и быть супергероем – тоже. Но он не понимает, почему наливать в чашки чай и делать сэндвичи – тоже работа.

Бабушка говорит, что именно это она и делает по средам. В понедельник, во вторник и в пятницу она делает то же самое, только днем, а в среду все по-другому. Она говорит, что это ночная смена. «Моя работа – следить за тем, чтобы всем было хорошо и удобно. Бывает, кому-то не спится, и я завариваю ему чай и готовлю сэндвич. Помогаю отвести человека в ванную. И тому подобное».

Он спрашивал бабушку, почему, если она останется дома и будет делать чай с сэндвичами ему, это не будет считаться работой, на что она вздыхала и отвечала: «Если бы в жизни все было так просто».

«За тобой я ухаживаю потому, что ты – мой любимый маленький солдат. За это не платят. Ведь я делаю это потому, что люблю тебя. А работа – это когда тебе платят за твои действия. Потом этими деньгами я оплачиваю наши счета – за квартиру, за продукты, за твой футбольный клуб».

Он много раз говорил бабушке, что сам будет платить ей за то, чтобы она не уходила по средам ночью. Они подойдут к той штуковине в стене, из которой достают деньги, и она даст куда больше, чем ее дурацкая работа. Но бабушка всегда отвечала, что это не так происходит и что в той штуковине в стене денег на всех не хватит.

Он очень любит бабулю, но злится, когда взрослые начинают твердить одно и то же.

«Если бы в жизни все было так просто...»

Он опускает руку в карман и нащупывает конфету, которую Джордж дал ему на перемене. Хорошо. Он сидит в комнате, на своей кровати, рядом стоит его рюкзак – они оба готовы к их с бабушкой новому секрету. Бабушка говорит, что он должен пообещать, что будет сидеть тихо, как мышка, и не будет бояться. Они поиграют в игру, наподобие прятков, только ему придется спрятаться надолго, на несколько часов, и обязательно поспать. И она дала ему две упаковки сока, пачку печенья и фонарик. Он сказал ей, что не любит, когда темно, а бабуля ответила, что фонарик просто так, на всякий случай.

– Готов, мой маленький солдат? – из-за двери бабушкин голос звучит как-то странно.

А когда он заходит в крохотную гостиную с кухонным уголком, то сразу видит, что глаза у нее тоже странные: так бывает, когда она говорит одно, а чувствует другое. Она обманывает, только не так, как обманывают бандиты или убий-

цы. Она обманывает, чтобы не было неприятностей, как в тот раз, когда он обманул учительницу в школе, сказав, что его ничего не беспокоит. Он смотрит на бабушку и решает больше ничего пока не говорить про темноту и фонарик. Спросит потом, когда они придут туда.

* * *

Они спускаются вниз по лестнице, держась за руки. Он не любит подъезд: там всегда пахнет туалетом и надо смотреть под ноги. Потом они долго-долго идут по улице до автобусной остановки. От этого неприятное чувство в животе возвращается. Когда бабушка уходит по средам на работу, она всегда говорит ему, что она тут, близко. Раньше по средам он ночевал у одной леди, которую звали Джен, но она переехала, и он больше не может оставаться у нее. Никого другого бабушка пока не нашла, поэтому им приходится хранить свой секрет. Бабуля говорит, что если кто-нибудь узнает, что она до сих пор не нашла новую няню, то их ждут большие неприятности: придут люди и заберут его у нее.

Бабушка уже которую неделю твердит, что он должен быть смелым и что она, будучи маленькой девочкой и живя на ферме, часто оставалась ночами одна, когда овцы ягнились и отец уходил из дома на целые сутки. Это ничуть не опасно, только надо спать и ни за что не подходить к двери, а еще никому и никогда не рассказывать об их секрете, а она скоро

вернется – скорее, чем он думает. Он и проснуться не успеет, а она уже будет здесь. Но теперь он понял, что это неправда – ее работа совсем не близко. До нее много-много миль...

Он считает повороты – хочет понять, сможет ли, если что, добежать до нее в темноте, но скоро сбивается со счета: поворотов слишком много.

Автобус, на котором они едут, двухэтажный, и бабуля разрешает ему посидеть наверху. Там холодно и пахнет почти как у них в подъезде или в школьном туалете, но бабушка обнимает его за плечи, и они играют в игру «Что я вижу»⁶. И он, конечно, выигрывает.

Потом они выходят из автобуса и еще долго идут, пока не приходят туда, где бабушка работает. Место называется «Дом престарелых “Ромашковый луг”», хотя никаких ромашек вокруг не видно. Даже травы нет. Здание похоже на школу, только без площадок для игр. «Наверное, тем, кто здесь живет, нельзя играть», – догадывается он.

Они входят внутрь через заднюю дверь, чтобы никто не увидел. У бабушки есть ключ от этой двери – специальная карточка, которую она носит на шнурке на шее. Когда дверь открывается, она прижимает палец к губам – это значит, что идти надо тихо-тихо, как мышонку. Коридор приводит их в маленькую комнату.

⁶ «I spy» (англ. «Я – шпион») – игра, в которой один игрок загадывает остальным нечто, находящееся в пределах общей видимости, и оглашает первую букву названия.

В комнате нет окна, зато есть много полок, на которых лежит всяка всячина: одеяла, подушки, коробки, полотенца и много чего еще.

Бабуля берет с полок несколько одеял и подушек и делает гнездо на полу – это для него. Она говорит ему, что здесь он теперь будет спать и что это и есть их новый секрет. Только вести себя надо очень-очень хорошо и не шуметь.

Но это плохая комната. Ему здесь совсем не нравится: она даже меньше, чем его спальня, и без окна.

– А можно я помогу тебе с чаем и сэндвичами? Я буду тебя слушаться, обещаю.

– Нет, милый. Вообще-то тебе нельзя здесь находиться, пока я работаю, просто я хочу, чтобы ты отдохнул и не был завтра в школе таким усталым. Но нам надо держать это в секрете, так что ложись и спи, а я пойду работать, и когда у меня будет свободная минутка, загляну к тебе.

– А если я захочу в туалет?

– Ты сейчас хочешь в туалет?

– Нет. Кажется. – Он замирает и прислушивается к себе – нет ли внутри такого чувства, какое бывает, когда хочешь писать. Но нет, ничего такого он не чувствует. – Не хочу.

– Вот и хорошо. Я скоро приду и спрошу тебя снова, ладно?

– А ты можешь не выключать свет?

– Конечно, могу. Но если что, помни, у тебя есть фонарик.

– А что – «если что»?

– Да ничего. Ложись и спи, чтобы не дремать завтра в школе. А я пойду работать. Будь хорошим мальчиком, помоги бабушке, ладно?

Когда она уходит, он озирается по сторонам и чувствует, как сердце бьется где-то в левом ухе. Раньше было такое, что сердце как-то поднялось ему в голову, и он боялся, что теперь она лопнет, но когда он рассказал об этом бабуле, она ответила, что такое бывает, когда вокруг совсем тихо, и чтобы он не боялся. Ничего страшного. Он разглядывает стопки полотенец на полках, пробует считать сначала полотенца, а потом овец.

Ничего не помогает. Он устал и все же как будто не устал. Тогда он вынимает из кармана конфетку и кладет ее себе в рот. Конфетка, хотя и розовая, оказывается вовсе не клубничной, как он думал, а больше похожа на микстуру от кашля. Сначала вкус даже приятный, но скоро во рту начинает жечь, и жжет все сильнее и сильнее, пока ему не начинает казаться, что он вот-вот задохнется. Он вскакивает, кашляет, плюется и понимает, что это была конфета-розыгрыш. Кто-то из мальчиков в классе говорил о такой совсем недавно. Значит, Джордж его разыграл. Он со злостью выплевывает конфету на одеяло, но поздно: во рту горит так, как будто там вот-вот начнет извергаться вулкан.

Он старается вести себя тихо, но не получается: кашель не проходит, наоборот, становится все сильнее, и он почти задыхается. И тут дверь комнаты распахивается. Он в ужа-

се: пришла бабушка, она на него рассердится. Но реальность оказывается еще хуже.

На пороге стоит не бабушка, а очень толстый дяденька с красным лицом. На дяденьке какая-то форма. Дяденька в форме делает шаг вправо, чтобы рассмотреть его за полками.

– Что за чертовщина тут творится?

Глава 13

ЭЛИС

Я выглядываю в окно и вижу машину Мэтью Хилла, припаркованную снаружи. Среда. Я машу ему рукой, а он подмигивает мне фарами. Он приехал в шесть утра и сразу послал мне сообщение. Я ответила ему, предложив кофе, но он отказался, сказал, что у него с собой термос и что он будет ждать на подъездной дорожке до тех пор, пока не понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.